ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

УИЛЬЯМ ЛЭНДЕЙ

Феноменальный бестселлер!
New York Times

Впервые на русском!

ЗАЩИЩАЯ ДЖЕЙКОБА

Ажиотаж вокруг этой книги оправдан... Исключительно серьезный, напряженный, полностью поглощающий ваше внимание роман.
The Washington Post

Уильям Лэндей
Защищая Джейкоба
Серия «Звезды мирового детектива»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45063415
Уильям Лэндей Защищая Джейкоба:
ISBN 978-5-389-17438-2

Аннотация

Эндрю Барбер – первый заместитель окружного прокурора в престижном пригороде Бостона. Почти тридцать лет своей жизни он отдал борьбе с преступниками. И когда мальчика, вместе с которым Джейкоб, четырнадцатилетний сын Барбера, учился в школе, находят убитым, Эндрю полон решимости найти виновного. А как иначе, если на кону стоит безопасность собственного ребенка и спокойствие жителей родного города! Однако серьезная улика указывает на то, что убийцей может оказаться Джейкоб. Отстраненный от следствия, Эндрю готов пойти на все, лишь бы доказать, что его единственный сын никого не убивал. Отныне для него и его жены Лори существует лишь одна цель – защита Джейкоба.

Впервые на русском!

Содержание

Часть первая 5
1 6
2 18
3 36
4 58
5 80
6 101
7 118
8 139
Конец ознакомительного фрагмента. 159

Уильям Лэндей
Защищая Джейкоба

William Landay
DEFENDING JACOB

Copyright © 2012 by William Landay
All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с английского Ирины Тетериной
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

© И. А. Тетерина, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая

Давайте не будем переоценивать возможности уголовного права. <…> Достаточно просто представить, что нам каким-то волшебным образом удалось перенестись примерно эдак на три миллиона лет назад, во времена, когда наш самый ранний человекообразный предок, Адам, проточеловек, низкорослый, мохнатый и не так давно начавший передвигаться на двух ногах, рыскал по африканской саванне в поисках пропитания. Так вот, думаю, все согласятся с тем, что, какие бы законы мы ни провозглашали этому маленькому сообразительному созданию, пытаться его погладить все равно было бы крайне неразумно.

Рейнард Томпсон. Общая теория человеческого насилия. 1921

1
Большое жюри

М-р Лоджудис: Пожалуйста, назовите ваше имя.

Свидетель: Эндрю Барбер.

М-р Лоджудис: Кем вы работаете, мистер Барбер?

Свидетель: Я двадцать два года был помощником прокурора этого округа.

М-р Лоджудис: «Был»… А кем вы работаете в настоящее время?

Свидетель: Наверное, можно сказать, что я безработный.

В апреле 2008 года Нил Лоджудис наконец вызвал меня в суд на заседание большого жюри[1]. Но было уже слишком поздно. Определенно слишком поздно и для дела, и для самого Лоджудиса тоже. Его репутация была безнадежно испорчена, а вместе с ней и карьера. Прокурор может какое-то время протянуть с испорченной репутацией, но его коллеги будут следить за ним, как волки, и в конечном счете выдавят его ради блага всей стаи. Сколько раз я уже такое видел:

---

[1] *Большое жюри* – в судопроизводстве США расширенная (численностью от 12 до 23 человек) коллегия присяжных заседателей, которая определяет обоснованность и целесообразность предъявления кому-либо официальных обвинений. Названо так потому, что в нем участвует большее число присяжных заседателей, чем в суде присяжных, также известном как малое жюри. – *Здесь и далее примеч. перев.*

помощник окружного прокурора совершенно незаменимый вчера и полностью забытый сегодня.

Я всегда питал слабость к Нилу Лоджудису (ударение на второй слог). В прокуратуру он пришел лет десять с небольшим тому назад, прямо со студенческой скамьи, в двадцать девять лет. Невысокий, с намечающейся лысиной и аккуратным брюшком. Рот его казался чересчур маленьким для такого количества зубов, и ему приходилось закрывать его с усилием, точно туго набитый чемодан, отчего лицо приобретало кислое выражение, а губы собирались в куриную гузку. Я старался напоминать ему, чтобы не делал такое лицо перед присяжными, – брюзгливых людей не любит никто, – но у него это выходило непроизвольно. Он замирал прямо перед ложей присяжных, качая головой и поджав губы, словно строгая классная дама или священник, и каждый из присяжных испытывал тайное желание проголосовать против него. В прокуратуре Лоджудис пользовался репутацией пролазы и лизоблюда. Коллеги не упускали случая его поддеть. И ладно если бы только такие же, как он, помощники прокурора, но нет, по нему проходились буквально все, даже те, кто не имел к прокуратуре непосредственного отношения, – копы, клерки, секретари, люди, которые обычно не позволяют себе относиться к прокурорским с неприкрытым презрением. С чьей-то легкой руки к нему прилипло прозвище Милхаус, в честь глуповатого героя из «Симпсонов», и как только окружающие не изощрялись, коверкая его фамилию: ЛоДурис,

Лошурис, Лопухис, Лажалис, Сид Вишес и так далее, и так далее, и так далее, и так далее. Я же ничего против Лоджудиса не имел. Он был всего-навсего наивен. Из самых лучших побуждений ломал людям жизни, и угрызения совести не мешали ему спокойно спать по ночам. Ведь он преследовал только плохих! Это Глобальная Прокурорская Ошибка – они плохие, потому что я их преследую, – и Лоджудис был не первым, кто угодил в эту ловушку, так что его праведный пыл казался мне простительным. Мне он даже нравился. Лоджудис импонировал мне именно своими странностями, своей непроизносимой фамилией, своими торчащими зубами – которые любой другой из его сверстников уже давным-давно исправил бы при помощи дорогущих брекетов, оплаченных, разумеется, из кармана папы с мамой, – даже своим неприкрытым честолюбием. Было в нем что-то такое, что вызывало у меня уважение. Та стойкость, с которой он держался, несмотря на всеобщую неприязнь, то, как упрямо гнул свою линию. Он определенно был парнишкой из рабочего класса, исполненным решимости заполучить то, что многим другим жизнь преподнесла на блюдечке с голубой каемочкой. В этом, и только в этом отношении он, пожалуй, был очень похож на меня.

Теперь, десять с лишним лет спустя после появления в прокуратуре, несмотря на все свои заскоки, он добился своей цели, ну, или почти добился. Нил Лоджудис был первым заместителем, вторым лицом в прокуратуре округа Мидл-

секс, правой рукой окружного прокурора и старшим следователем. Он занял мое место – этот парнишка, который когда-то сообщил мне: «Энди, я очень хочу когда-нибудь достичь ваших высот». Мне следовало бы это предвидеть.

В то утро в зале, где заседало большое жюри, царила мрачная, подавленная атмосфера. Присяжные, тридцать с небольшим мужчин и женщин, у которых не хватило ума найти способ увильнуть от исполнения своего гражданского долга, сидели, втиснутые в тесные школьные кресла с каплевидными столиками вместо подлокотников. Все они уже отлично понимали, в чем будет заключаться их задача. Большое жюри созывается на несколько месяцев, и его члены очень быстро уясняют, что от них требуется: обвинить, указать пальцем, заклеймить грешника.

Заседание большого жюри – это не суд. В зале нет ни судьи, ни адвоката. Бал тут правит прокурор. Это расследование и – в теории – проверка позиции прокурора на прочность, поскольку большое жюри решает, располагает ли тот вескими основаниями для того, чтобы притащить подозреваемого в суд. Если таких оснований достаточно, большое жюри выносит вердикт о привлечении его к суду в качестве обвиняемого, выдавая тем самым прокурору билет в Верховный суд. Если же нет, выносится постановление об отказе в обвинительном акте и дело закрывается, не начавшись. На практике подобное случается крайне редко. Как правило, большое жюри решает, что делу необходимо дать ход. А по-

чему нет? Они видят только одну сторону.

Но в данном случае, подозреваю, присяжные понимали, что Лоджудису ничего не светит. Не сегодня. Глупо даже надеяться докопаться до истины – с такими-то тухлыми уликами, да еще и после всего, что успело произойти за это время. Минуло уже больше года – двенадцать с лишним месяцев с тех пор, как в лесу было обнаружено тело четырнадцатилетнего подростка с тремя колотыми ранами на груди, расположенными так, как будто в него воткнули трезубец. Но дело было не во времени – не столько во времени. Дело во всем остальном. Было уже слишком поздно, и большое жюри это понимало.

И я тоже это понимал.

И лишь Лоджудис держался как ни в чем не бывало. Собрав губы в эту свою куриную гузку, он сосредоточенно перечитывал собственные записи в большом желтом блокноте, обдумывая следующий шаг. Еще бы, ведь я сам его этому и научил. Это мой голос звучал сейчас в его мозгу: не важно, что дело заведомо проигрышное, – придерживайся системы. Играй в эту игру по тем самым правилам, по которым в нее играют последние пятьсот с гаком лет, используй ту самую неизменную тактику, к которой прибегают при перекрестном допросе: заманиваешь, подлавливаешь – и берешь голыми руками.

– Вы помните, при каких обстоятельствах впервые услышали об убийстве этого мальчика, Рифкина? – спросил он.

– Да.

– Опишите их.

– Мне позвонили, если не ошибаюсь, из ОПБП[2] полиции штата. Потом один за другим последовали еще два звонка – из полиции Ньютона и от дежурного прокурора. Возможно, не конкретно в таком порядке, но телефон начал разрываться сразу же.

– Когда это было?

– В четверг, двенадцатого апреля две тысячи седьмого года, примерно в девять часов утра, вскоре после того, как было обнаружено тело.

– Почему позвонили именно вам?

– Я был первым заместителем. Мне докладывали обо всех убийствах в округе. Это стандартная процедура.

– Но вы же не оставляли все эти дела у себя, так ведь? Не занимались расследованием каждого убийства и не вели дела в суде лично?

– Нет; разумеется, нет. У меня просто не хватило бы на это времени. Я крайне редко оставлял такие дела у себя. Бóльшую часть поручал другим следователям.

– Но это оставили у себя.

– Да.

– Вы сразу же решили, что возьмете его сами, или приняли это решение позднее?

– Я принял это решение практически сразу же.

---

[2] Отдел по предотвращению и борьбе с преступностью.

– Почему? По какой причине вы захотели взять именно это дело?

– У меня с окружным прокурором Линн Канаван существовала договоренность, что определенные дела я буду вести лично.

– Какого рода дела?

– Особой важности.

– Почему именно вы?

– Я был старшим следователем прокуратуры. Она хотела быть уверена в том, что важные дела расследуются на высоком уровне.

– Кто определял степень важности дела?

– На раннем этапе я. По согласованию с окружным прокурором, разумеется, но в самом начале все всегда происходит очень быстро. Времени на совещания обычно нет.

– Значит, это вы классифицировали убийство Рифкина как дело особой важности?

– Разумеется.

– Почему?

– Потому что погиб ребенок. Кроме того, у нас были опасения, что сведения могут просочиться в средства массовой информации, и тогда не миновать шумихи. Пресса обожает такие дела. Богатый район, жертва из состоятельной семьи. У нас уже было несколько подобных случаев. К тому же сначала мы толком не знали, что именно произошло. По некоторым признакам это напоминало школьное убийство, что-

то в духе школы «Колумбайн». В общем, мы на тот момент ни черта не понимали, но дело выглядело как потенциально громкое. Если бы оказалось, что там на самом деле какая-нибудь ерунда, я бы потом просто передал его кому-то другому, но в первые несколько часов мне нужна была уверенность в том, что все будет сделано как надо.

– Вы доложили окружному прокурору о том, что у вас в этом деле возникает конфликт интересов?

– Нет.

– Почему?

– Потому что никакого конфликта интересов у меня не было.

– Разве ваш сын Джейкоб не учился в одной параллели с погибшим мальчиком?

– Да, но я лично не был знаком с жертвой. И Джейкоб тоже, насколько мне было известно. Я даже имени его никогда не слышал.

– Значит, вы не знали погибшего ребенка. Хорошо. Но вы знали, что он и ваш сын учились в одной и той же параллели одной и той же средней школы одного и того же города?

– Да.

– И тем не менее не считали, что у вас возникает в этом деле конфликт интересов? Не считали, что ваша объективность может быть поставлена под сомнение?

– Нет. Разумеется, нет.

– И даже теперь? Вы настаиваете на том, что… Даже те-

перь вы *все равно* не считаете, что в сложившихся обстоятельствах не создавалось даже *видимости* вашей личной заинтересованности?

– Нет, в этом не было ничего противозаконного. И даже необычного. Тот факт, что я проживал в городе, где произошло это убийство? Так это было и хорошо. В небольших округах прокурор нередко живет в общине, где происходит убийство, и знает людей, которых оно затрагивает. И что? От этого он просто еще сильнее хочет, чтобы убийца был пойман. Никакой это не конфликт интересов. Если так на все смотреть, у меня конфликт по всем делам. Это моя работа. Было совершено чудовищное преступление, и в мои обязанности входило им заниматься. Именно так я и намерен был поступить.

– Ясно.

Лоджудис уткнулся в свой блокнот. Нет смысла набрасываться на свидетеля раньше времени. Он, без сомнения, вернется к этому вопросу позже, когда я буду измотан. А пока что лучше не гнать волну.

– Вы осведомлены о правах, гарантированных вам Пятой поправкой?

– Разумеется.

– И вы отказались от них.

– Как видите. Я здесь. Разговариваю с вами.

В рядах присяжных послышались смешки.

Лоджудис положил свой блокнот, а вместе с ним, судя по

всему, и на какое-то время отложил свой план.

– Мистер Барбер… Энди, могу я задать вам один вопрос? Почему вы не воспользовались своими правами? Почему не отказались давать показания?

Следующее предложение – «Я бы на вашем месте именно так и поступил» – он оставил висеть в воздухе недосказанным.

На мгновение я решил, что это тактический прием, элемент игры на публику. Но Лоджудис, похоже, не притворялся. Он опасался, что я что-то задумал. Ему не хотелось, чтобы его обвели вокруг пальца и выставили дураком.

– Я не откажусь давать показания. Хочу, чтобы была установлена истина.

– Какой бы она ни оказалась?

– Я верю в систему, как и вы, как и все остальные, присутствующие в этом зале.

А вот это уже была не вполне правда. Я не верю в судебную систему и уж точно не считаю, что она способна эффективно установить истину. Как и любой юрист. Слишком много ошибок мы все видели, слишком много скверных результатов. Вердикт жюри – это всего лишь предположение, пусть обыкновенно и подпитываемое благими побуждениями, но путем голосования факт от вымысла отличить невозможно. И тем не менее, несмотря на все вышесказанное, я верю в силу ритуала. Верю в религиозный символизм, в черные мантии, в беломраморные дворцы правосудия, похожие на гре-

ческие храмы. Когда мы вершим суд, мы служим мессу. Совместно молимся о том, чтобы справедливость восторжествовала, а зло понесло наказание, и это стоит делать вне зависимости от того, доходят ли наши молитвы по назначению.

Разумеется, Лоджудис всю эту пафосную чушь не оценил бы. Он жил в двоичном юридическом мире, где ты либо виновен, либо нет, и был намерен не дать мне вырваться за его рамки.

– Значит, вы верите в систему, да? – хмыкнул он. – Что ж, Энди, тогда давайте к ней вернемся. Пусть система сделает свое дело.

Он устремил на присяжных многозначительный взгляд, исполненный самолюбования.

Ты ж мой умница! Не позволяй свидетелю прыгнуть в постель к присяжным – прыгай к ним в постель сам. Прыгай и сворачивайся калачиком под одеялом рядом с ними, а свидетель пусть остается с носом. Я ухмыльнулся. Честное слово, я бы встал и зааплодировал ему, если бы было можно, потому что сам его этому научил. Не стоит отказывать себе в законном поводе для гордости. Выходит, не так уж я и плох – ведь удалось же мне в конце концов сделать из Нила Лоджудиса некоторое подобие пристойного юриста.

– Ну, давайте уже, – произнес я, утыкаясь носом в шею присяжных. – Нил, заканчивайте кружить вокруг да около и переходите к делу.

Он устремил на меня взгляд, затем вновь взял в руки

свой желтый блокнот и принялся проглядывать заметки, ища нужное место. На лбу у него практически огненными буквами было написано: «Заманиваешь, подлавливаешь – и берешь голыми руками».

– Хорошо, – произнес он, – давайте вспомним о том, что произошло после убийства.

2
Наш круг

Апрель 2007 года:
двенадцатью месяцами ранее

Когда Рифкины устроили в своем доме *шиву* — так у иудеев называется семидневный период траура, – казалось, к ним набился весь город. Погоревать спокойно им давать не собирались. Убийство мальчика всколыхнуло всех жителей города, и траур обещал превратиться в общественное мероприятие. В доме было столько народу, что, когда время от времени приглушенный гул голосов становился громче, атмосфера начинала до неприличия напоминать вечеринку. Потом все дружно понижали голос, как будто кто-то прикручивал незримую ручку регулировки громкости.

Я с извиняющимся видом принялся пробираться сквозь толпу, то и дело повторяя: «Прошу прощения!» – и лавируя между группками людей.

Все смотрели на меня с любопытством. «Это он, это Энди Барбер», – произнес кто-то, но я не стал останавливаться. С момента убийства прошло уже четыре дня, и все знали, что уголовное дело веду я. Им, разумеется, очень хотелось спросить меня о подозреваемых, и уликах, и всем таком прочем, но никто не отваживался. Всех взволновала гибель невинно-

го ребенка.

Да не просто погиб, а был убит! Эта новость оглушила всех как громом. В Ньютоне никогда не случалось никаких преступлений, которые заслуживали бы упоминания. Про насилие здешние жители знали исключительно из выпусков новостей и телевизионных передач. В их картине мира насильственные преступления были уделом криминальных районов, чем-то, что могло произойти исключительно в среде маргиналов. Это, разумеется, заблуждение, и они это знали; если бы погиб взрослый, они бы не были столь потрясены. Вопиющим в их глазах убийство Рифкина делало то, что жертвой оказался один из местных подростков. Это шло вразрез со сложившимся образом Ньютона. Какое-то время на въезде в город стоял знак, провозглашавший его «сообществом семей, семьей сообществ», и нередко приходилось слышать, что Ньютон – «хорошее место для того, чтобы растить детей». Что, в общем-то, соответствовало действительности. Здесь на каждом шагу были подготовительные курсы и репетиторы, школы боевых искусств и субботние футбольные клубы. Особенно пестовали идею того, что Ньютон – рай для детей, новоиспеченные родители. Многие из них ради того, чтобы перебраться сюда, вынуждены были покинуть хипстерско-интеллектуальный Бостон. Им пришлось смириться с огромными расходами, отупляющим однообразием и закрадывающимся разочарованием, сопутствующими их новому стилю жизни. Для этих не определившихся до

конца несчастных вся затея с переселением в пригород имела смысл лишь потому, что он был «хорошим местом для того, чтобы растить детей». Ради этого они пожертвовали всем.

Перемещаясь из комнаты в комнату, я проходил мимо одного племени за другим. Подростки, друзья погибшего мальчика, набились в небольшое помещение в передней части дома. Они негромко переговаривались, бросая друг на друга внимательные взгляды. У одной девочки от слез потекла тушь. Мой собственный сын Джейкоб, тощий и долговязый, сидел в невысоком кресле, на отшибе от остальных, уткнувшись в экран мобильника. Чужие разговоры его явно не интересовали.

Убитые горем родные устроились в соседней гостиной: пожилые дамы и малолетние кузены.

И наконец, в кухне собрались родители детей, которые когда-либо ходили в школу вместе с Беном Рифкином. Это был наш круг. Мы знали друг друга с того самого дня, когда наши дети восемь лет назад пошли в детский сад. Мы тысячи раз сталкивались друг с другом, отвозя детей на занятия по утрам и забирая после уроков днем, мы сидели рядом на бесчисленных футбольных матчах, благотворительных школьных мероприятиях и одной достопамятной постановке «Двенадцати разгневанных мужчин». И тем не менее, если не считать нескольких устоявшихся связей, знали друг друга не так уж и хорошо. Нас объединяли товарищеские узы, да, но не подлинная дружба. В большинстве своем наши отношения

не пережили бы выпуска детей из школы. Но в те первые несколько дней после убийства Бена Рифкина мы испытывали иллюзию близости. Как будто все внезапно раскрылись друг перед другом.

В огромной кухне Рифкинов – плита «Вульф», холодильник «Саб-Зиро», гранитные столешницы, белые шкафчики в английском стиле, – сбившись в группки по три-четыре человека, родители делились друг с другом интимными подробностями про бессонницу, печаль, ощущение ужаса, от которого невозможно было избавиться. В их разговорах снова и снова звучала тема школы «Колумбайн», 11 сентября и того, как гибель Бена заставила их цепляться за своих детей, пока это еще было возможно. Градус зашкаливающих эмоций того вечера усиливал теплый свет ламп в виде оранжевых шаров, свисавших с потолка. В этом рыжем зареве родители безудержно предавались роскоши взаимного обмена секретами.

Когда я вошел в помещение, одна из мам, Тоби Ланцман, стоя у кухонного островка, выкладывала на блюдо закуски. Через плечо у нее было переброшено полотенце. На предплечьях, когда она работала, выступали сухожилия. Тоби была лучшей подругой моей жены Лори, одно из немногих долгосрочных знакомств, которые мы здесь завязали. Она увидела, что я ищу взглядом жену, и указала в противоположный конец кухни.

– Она там оказывает мамашкам экстренную психологиче-

скую помощь, – произнесла Тоби.

– Я так и понял.

– Ну, нам всем сейчас не помешала бы небольшая психологическая помощь.

Хмыкнув, я бросил на нее озадаченный взгляд и двинулся прочь. Тоби была ходячей провокацией. Единственный доступный мне способ противостоять ей – стратегическое отступление.

Лори стояла в окружении небольшой группы мамаш. Волосы, густые и непокорные, она скрутила в небрежный узел на затылке и заколола массивной черепаховой заколкой. Она сочувственно поглаживала одну из приятельниц по руке. Та неприкрыто льнула к Лори, ни дать ни взять кошка, когда ее гладят.

Когда я подошел к жене, она обняла меня за талию:

– Привет, милый.

– Нам пора ехать.

– Энди, ты твердишь это с той самой секунды, как мы переступили через порог.

– Неправда! Я только думал это, но не произносил вслух.

– Да у тебя все на лбу написано. – Она вздохнула. – Так и знала, что надо было ехать на своей машине.

Она внимательно поглядела на меня. Уезжать ей не хотелось, но жена понимала, что мне неуютно находиться в центре всеобщего внимания, что я вообще человек не слишком общительный, – вся эта светская болтовня всегда меня вы-

матывала. Семьей, как и любой другой организацией, необходимо управлять.

– Поезжай один, – решила она наконец. – А меня подбросит до дома Тоби.

– Да?

– Да. А почему нет? И Джейкоба с собой захвати.

– Ты уверена? – Я склонился к ней – Лори почти на фут ниже меня ростом – и театральным шепотом произнес: – Потому что мне *до смерти* хочется остаться.

Она рассмеялась:

– Поезжай. Пока я не передумала.

Мрачные женщины не сводили с меня глаз.

– Поезжай. Твое пальто наверху в спальне.

Я поднялся на второй этаж и очутился в длинном коридоре. Здесь шума было практически не слышно, и я вздохнул с облегчением. Гул голосов по-прежнему эхом звучал у меня в ушах. Я принялся разыскивать пальто. В одной из спален, которая, по всей видимости, принадлежала младшей сестре погибшего мальчика, на кровати была свалена верхняя одежда, но моего пальто в ней не обнаружилось.

Дверь в соседнюю комнату была заперта. Я постучался, приоткрыл ее и просунул голову в щель, чтобы оглядеться.

Внутри царил полумрак. Единственным источником света служил торшер на латунной ножке в дальнем углу. Рядом в мягком кресле сидел отец погибшего мальчика. Дэн Рифкин был невысоким подтянутым мужчиной хрупкого сложения.

Волосы его были, по обыкновению, аккуратно уложены. Он надел весьма недешевый на вид темный костюм с надорванным по иудейскому обычаю в знак траура лацканом. Зря испортили дорогую вещь, подумалось мне. В полумраке глаза его казались запавшими, с темными синяками вокруг, что придавало лицу сходство с мордочкой енота.

– Здравствуйте, Энди, – сказал он.

– Прошу прощения. Я искал свое пальто. Не хотел вас побеспокоить.

– Нет, пройдите, присядьте на минутку.

– Нет-нет, не хочу вас отвлекать.

– Пожалуйста, присядьте, я умоляю. Хочу кое о чем вас спросить.

У меня упало сердце. Мне доводилось видеть страдания тех, чьи близкие стали жертвой убийства. Работа такая, ничего не поделаешь. Хуже всего приходится родителям погибших детей, и, как по мне, отцам тяжелее, чем матерям, потому что их всю жизнь учили держаться стоически, «быть мужчинами». Исследования показывают, что отцы убитых детей регулярно умирают в течение нескольких лет после убийства, нередко от сердечного приступа. На самом же деле они умирают от горя. В какой-то момент следователь понимает, что тоже не железный и не может сопереживать всем и каждому. Поэтому вместо переживаний он сосредотачивается на технических аспектах своей работы. Превращает это в такое же ремесло, как и любое другое. Ключ тут в том, чтобы не

впускать чужие страдания в свою жизнь.

Но Дэн Рифкин настаивал. Он замахал рукой, точно регулировщик, делающий машинам знак проезжать вперед, и мне не оставалось ничего другого, как аккуратно прикрыть дверь и опуститься в соседнее кресло.

– Выпить не хотите?

Он вскинул бокал с янтарным виски.

– Нет, спасибо.

– Энди, есть какие-нибудь новости?

– Нет, боюсь, что никаких.

Он кивнул и с разочарованным видом устремил взгляд в противоположный угол:

– Я всегда любил эту комнату. Прихожу сюда, когда надо подумать. Когда происходят подобные вещи, ты очень много времени проводишь в раздумьях.

Он выдавил из себя слабую улыбку: «Не волнуйся, я в порядке».

– Наверное, так оно и есть.

– Но мне не дает покоя одна мысль: почему этот человек это сделал?

– Дэн, не нужно…

– Нет, выслушайте меня до конца. Просто… я не… я не из тех, кому нужна чья-то жилетка, чтобы выплакаться. Я человек рациональный, вот и все. И у меня есть вопросы. Не относительно деталей. Когда мы с вами разговаривали, это всегда было про детали: улики, судебные процедуры. Но

я человек рациональный, понимаете? Я человек рациональный, и у меня есть вопросы. Другие вопросы.

Я обмяк в своем кресле и почувствовал, как расслабляются мои плечи в молчаливой уступке.

– Хорошо. Ну, в общем, вот они: Бен был *хороший.* Это первое. Разумеется, ни один ребенок не заслуживает такого, независимо ни от чего. Я это понимаю. Но Бен на самом деле был хорошим мальчиком. Очень хорошим. И совсем еще ребенком. Ему было всего четырнадцать! Он никогда не доставлял никому никаких проблем. Никогда, никогда, никогда, никогда. Так почему? Какой был мотив? Я не имею в виду гнев, жадность, ревность и все такое прочее, потому что в нашем случае мотив не может быть настолько банальным, просто не может быть. Это в принципе против всякой логики! Кто мог быть настолько… настолько зол на Бена, да на любого ребенка? Это просто против всякой логики. Просто против всякой логики. – Рифкин сложил пальцы правой руки в щепоть и принялся медленно водить ими по лбу, выписывая круги по коже. – Ну, то есть что *отличает* этих людей? Потому что я в своей жизни, разумеется, испытывал эти чувства, эти *мотивы* — злость, жадность, ревность, – и вы их испытывали, как и любой другой. Но мы никогда никого не убивали. Понимаете? Мы никогда не смогли бы никого убить. А есть люди, которые убивают, люди, которые *могут.* Почему так?

– Я не знаю.

– Ну, должны же у вас быть какие-то мысли по этому поводу.

– Нет. Честное слово, их нет.

– Но вы же общаетесь с ними, вы имеете с ними дело. Что они говорят? Я имею в виду убийц.

– Они в большинстве своем не особенно разговорчивы.

– А вы их спрашивали? Не почему они это сделали, а что вообще делает их способными на это?

– Нет.

– Почему?

– Потому что они не ответили бы. Их адвокаты не дали бы им ответить.

– Адвокаты! – всплеснул он рукой.

– К тому же они все равно не знали бы, что ответить, ну, большинство из них. Все эти философствующие убийцы – бобы с кьянти и прочее в том же духе – это все чушь собачья[3]. Такое только в кино бывает. И вообще, эти ребята кому угодно наплетут с три короба. Если заставить их отвечать, они, вероятно, начнут рассказывать про то, какое у них было тяжелое детство, или еще что-нибудь. Будут строить из себя жертв. Обычная история.

Рифкин коротко кивнул, давая мне понять, чтобы продолжал.

---

[3] Отсылка к известной цитате Ганнибала Лектора, героя Энтони Хопкинса из триллера «Молчание ягнят»: «Однажды меня попытался опросить агент по переписи населения. Я съел его печень с бобами и хорошим кьянти».

– Дэн, бессмысленно терзать себя в поисках причин. Их нет. И логика никакая там даже не ночевала. В том смысле, который вы подразумевали.

Он слегка поерзал в своем кресле, сосредотачиваясь, как будто ему необходимо было обдумать эту мысль. Глаза у него блестели, но голос был ровным, тщательно сдерживаемым.

– А другие родители тоже задают подобные вопросы?

– Они задают самые разные вопросы.

– Вы видитесь с ними после того, как дело раскрыто? В смысле, с родителями?

– Иногда.

– Я имею в виду, совсем потом, несколько лет спустя?

– Иногда.

– И они… какое впечатление они производят? У них все в порядке?

– У некоторых в порядке.

– А у некоторых – нет?

– У некоторых нет.

– И что они делают? Те, кто справляется? Какие ключевые моменты? Должна же быть какая-то закономерность. Какая у них стратегия, какие методы лучше всего? Что им помогло?

– Они обращаются за помощью. К родным, к тем, кто рядом. Существуют группы поддержки для тех, кто пережил утрату; они ходят в эти группы. Мы можем дать вам контакты. Вам нужно поговорить с нашим штатным психологом. Она направит вас в группу поддержки. Это очень полезно.

Нельзя переживать такие вещи в одиночку, это главное. Вы должны помнить, что есть другие люди, которые прошли через то же самое и понимают, что вы сейчас переживаете.

– А те, другие родители, которые не справляются, что происходит с ними? С теми, кто так никогда до конца и не приходит в себя?

– Вы в их число не попадете.

– А если попаду? Что тогда будет со мной? С нами?

– Мы этого не допустим. Об этом нельзя даже думать.

– Но такое случается. Ведь случается, правда же? Случается.

– Не с вами. Бен не хотел бы, чтобы такое случилось с вами.

Молчание.

– Я знаю вашего сына, – произнес наконец Рифкин. – Его зовут Джейкоб.

– Да.

– Я видел его у школы. Он производит впечатление славного парнишки. Рослый и красивый. Вы, наверное, им гордитесь.

– Горжусь.

– По-моему, он пошел в вас.

– Да, мне все так говорят.

Он сделал глубокий вдох:

– Знаете, я тут поймал себя на том, что думаю о ребятах из параллели Бена. Я к ним привязался. Мне хочется увидеть

их успех, понимаете? Они росли у меня на глазах, я с ними как-то сроднился. Это странно, да? Я испытываю эти чувства, потому что это помогает мне почувствовать себя ближе к Бену? Поэтому я цепляюсь за этих ребят? Потому что это именно то, чем кажется? Это выглядит ненормально.

– Дэн, да не беспокойтесь вы о том, как и что выглядит. Люди все равно будут думать то, что думают. Плевать на них с высокой горки. Не хватало вам еще только об этом беспокоиться.

Он вновь принялся потирать лоб. Его агония не могла бы быть более очевидной, даже если бы он корчился на полу, истекая кровью. Мне очень хотелось ему помочь. И в то же самое время – очутиться от него где-нибудь подальше.

– Мне было бы легче, если бы я *знал*, если бы… если бы дело было раскрыто. Вы очень мне поможете, когда раскроете дело. Потому что эта неопределенность… она убивает. Мне будет легче, когда дело раскроют, правда? В тех, других случаях, которые вы видели, родителям становилось легче, ведь правда же?

– Думаю, да.

– Не хочу на вас давить. Не хочу, чтобы это так выглядело. Просто… просто я думаю, что мне станет легче, когда дело будет раскрыто и я узнаю, что этот человек… когда он будет *упрятан* за решетку. Понимаю, что вы это сделаете. Я верю в вас, разумеется. Разумеется. Ни минуты в вас не сомневаюсь, Энди. Я просто говорю, что мне станет от этого легче.

Мне, моей жене, всем. Это то, что нам нужно. Ощущение завершенности. Это то, чего мы от вас ждем.

В тот вечер мы с Лори читали в постели перед сном.

– Я по-прежнему считаю, что зря они решили возобновить занятия в школе так рано.

– Лори, мы же с тобой уже все это обсуждали, – скучающим тоном произнес я. *Опять двадцать пять*. – Джейкобу совершенно ничего не угрожает. Будем возить его в школу сами, провожать прямо до двери. Там, куда ни плюнь, везде будет по полицейскому. В школе он сейчас будет в большей безопасности, чем где-либо еще.

– «В большей безопасности». Ты не можешь знать это наверняка. Откуда бы? Никто ни малейшего понятия не имеет ни кто этот убийца, ни где он находится и что намерен делать дальше.

– Все равно рано или поздно занятия придется возобновить. Жизнь продолжается.

– Энди, ты ошибаешься.

– И долго они, по-твоему, должны ждать?

– Пока этого человека не поймают.

– На это может уйти какое-то время.

– И что? Что самое худшее может случиться? Ну, пропустят дети несколько дней учебы. И что? По крайней мере, они будут в безопасности.

– Ты не можешь обеспечить им полную безопасность. Они

живут в большом мире. Большом и полном опасностей.

– Ну ладно, в большей безопасности.

Я домиком положил книгу на живот.

– Лори, если мы сейчас закроем школу надолго, мы тем самым дадим детям ложный посыл. Школа не может восприниматься как опасное место. Они не должны бояться там находиться. Это их второй дом. Место, где они проводят большую часть своего дня. Они *хотят* туда. Они хотят быть со своими друзьями, а не сидеть взаперти по домам, спрятавшись под кроватью, чтобы их не забрал злой бука из страшной сказки.

– Злой бука уже забрал одного из них. Так что он вовсе не из сказки.

– Принято, но и ты понимаешь, о чем я.

– О, я понимаю, о чем ты, Энди. И говорю тебе: ты ошибаешься. Сейчас приоритет номер один – это обеспечить детям безопасность, физически. Потом они могут быть со своими друзьями или где угодно хоть до потери пульса. До тех пор пока этого человека не поймают, ты не можешь гарантировать мне, что дети будут в безопасности.

– Тебе нужны гарантии?

– Да.

– Мы поймаем этого сукина сына, – заявил я. – Гарантирую.

– Когда?

– Скоро.

– Ты это знаешь?

– Я это предвижу. Мы всегда их ловим.

– Не всегда. Помнишь того, который убил свою жену и вывез ее труп на заднем сиденье своего «сааба», завернув в одеяло?

– Но мы его поймали. Мы просто не сумели… ну ладно, почти всегда. Мы почти всегда их ловим. Этого мы поймаем, я тебе обещаю.

– А если ты ошибаешься?

– А если я ошибаюсь, у меня есть ты, которая никогда не упустит случая немедленно мне об этом сообщить.

– Нет, я имею в виду, вдруг ты ошибаешься и кто-нибудь из детей пострадает?

– Лори, этого не случится.

Она нахмурилась, сдаваясь:

– С тобой совершенно невозможно спорить. Это все равно что долбиться лбом в стену.

– А мы и не спорим. Мы дискутируем.

– Ты юрист, ты не видишь разницы. Лично *я* спорю.

– Послушай, Лори, что ты хочешь от меня услышать?

– Я ничего не хочу от тебя услышать. Я хочу, чтобы это ты меня услышал. Знаешь, если человек в чем-то уверен, это еще не значит, что он прав. Подумай. Возможно, мы подвергаем нашего сына опасности. – Она приставила палец к моему виску и легонько надавила, полуигриво-полурассерженно. – Подумай.

С этими словами она отвернулась, положила свою книгу поверх покосившейся кучи других, которые громоздились на ее прикроватной тумбочке, и улеглась спиной ко мне, свернувшись калачиком, ни дать ни взять ребенок во взрослом теле.

– Эй, – позвал я, – придвигайся ко мне.

Она принялась елозить по постели туда-сюда, пока наконец не уткнулась спиной в меня. Пока не почувствовала теплоту, твердую опору или что-то еще, в чем нуждалась с моей стороны в данный момент. Я погладил ее по плечу:

– Все будет хорошо.

Она хмыкнула.

– Видимо, на искупительный секс не стоит рассчитывать?

– Я думала, мы не спорили.

– Я – нет, а ты – да. И я хочу, чтобы ты знала: ничего страшного, я тебя прощаю.

– Ха-ха. Если ты извинишься, я подумаю.

– Я извиняюсь.

– Тон у тебя не слишком извиняющийся.

– Я дико, ужасно извиняюсь. Честно.

– А теперь скажи, что ты был не прав.

– Не прав?

– Скажи, что ты был не прав. Или ты уже передумал насчет секса?

– Гм. Так, давай-ка уточним: все, что от меня требуется, – это сказать, что я был не прав, и тогда прекрасная женщина

займется со мной страстной любовью?

– Насчет страстной я ничего не говорила. Просто любовью.

– Итого: я говорю, что был не прав, и тогда прекрасная женщина займется со мной любовью, абсолютно без всякой страсти, но с неплохим мастерством. Я правильно понимаю ситуацию?

– С неплохим мастерством?

– С непревзойденным мастерством.

– Да, господин прокурор, вы правильно понимаете ситуацию.

Я водрузил книгу, которую читал, биографию Трумэна авторства Дэвида Маккалоу, поверх растрепанной стопки журналов на моей собственной прикроватной тумбочке и погасил свет.

– Не пойдет. Я не был не прав.

– Не важно. Ты уже сказал, что я прекрасна. Я выиграла.

3
Снова в школу

Под утро из комнаты Джейкоба донесся какой-то звук – стон, – и я, не успев даже толком проснуться, в темноте вскочил с кровати и бросился к двери. Все еще неуклюжий спросонья, вынырнул из спальни, в сером предрассветном сумраке прошлепал по коридору и вновь погрузился в темноту комнаты сына.

Щелкнув выключателем, прикрутил диммер. Вокруг вперемешку валялись громадные дурацкие кеды, «макбук», облепленный наклейками, айпад, школьные учебники, книги в мягких обложках, коробки из-под обуви, в которых хранились бейсбольные карточки и подшивки комиксов. В углу стоял икс-бокс, подсоединенный к старенькому телевизору. Диски от икс-бокса и коробки от них были в беспорядке свалены рядом. В основном – стрелялки. Была тут, разумеется, и грязная одежда, брошенная как попало, а также две стопки чистой одежды, аккуратно сложенные Лори. Джейкоб упорно отказывался убирать их в комод, потому что ему было проще брать чистые вещи прямо из кучи. На невысоком книжном шкафу пылились кубки, которые сын завоевал, когда играл в детской футбольной команде. Со спортом он дружил не особенно, но в те времена кубки выдавали всем, и с тех пор он ни разу их не переставлял. Маленькие статуэт-

ки стояли там, точно религиозные символы, всеми забытые, абсолютно невидимые для него. На стене висел винтажный постер из древнего боевика «Пять пальцев смерти», на котором парень в каратешном кимоно пробивал своим холеным кулаком кирпичную стену. («Шедевр боевых искусств! Стань свидетелем одного невероятного убийства за другим! Побледней перед забытым ритуалом стальной ладони! Поддержи юного воина, который вынужден в одиночку противостоять темным мастерам боевых искусств!») Этот хламовник был настолько привычным и неизменным, что мы с Лори уже давным-давно прекратили ругаться с Джейкобом, заставляя навести в комнате порядок. Если уж на то пошло, мы вообще перестали замечать этот бардак. У Лори имелась теория, что беспорядок – это отражение внутреннего мира Джейкоба и переступить порог его комнаты – это все равно что очутиться в его сотрясаемом гормональными бурями подростковом сознании, так что глупо пилить его по этому поводу. Вот что бывает, когда женишься на дочери психиатра. Для меня это была всего лишь неубранная комната, и я бесился каждый раз, когда входил в нее.

Джейкоб неподвижно лежал на боку на краю кровати. Голова его была запрокинута, рот разинут, как у воющего волка. Он не храпел, но дыхание его было прерывистым: он умудрился где-то немного простудиться. Между судорожными вдохами он жалобно пробормотал во сне:

– Не… не…

«Нет, нет».

– Джейкоб, – прошептал я и, протянув руку, погладил его по голове. – Джейк!

Он вновь вскрикнул. Сомкнутые ресницы дрогнули, между веками промелькнула полоска белка.

За окнами послышался стук колес проносящейся мимо электрички: первый поезд в Бостон на Риверсайдской линии проходил каждое утро в 6:05.

– Это просто сон, – сказал я ему.

Меня на мгновение пронзила острая нежность к сыну. Вся эта ситуация вызвала у меня один из тех приступов ностальгии, которым так подвержены все родители. Смутное воспоминание о тех временах, когда у нас с трех- или четырехлетним Джейком был свой особый ежевечерний ритуал – я спрашивал: «Кто любит Джейкоба?» – а он отвечал: «Папа любит!» Это было последнее, что мы говорили друг другу каждый вечер перед тем, как улечься спать. Впрочем, Джейку никогда не требовались заверения в любви. Ему даже в голову не приходило, что папа может куда-то деться, во всяком случае его папа. Это я нуждался в этом нашем маленьком диалоге, в его отзыве на мой пароль. Я рос без отца. Практически не знал его. Поэтому был исполнен решимости, чтобы мои собственные дети никогда не узнали, что такое быть безотцовщиной. Странно было думать о том, что всего через несколько лет Джейк покинет меня. Он уедет в колледж, и мое активное отцовство в ежедневном режиме закончится.

Я стану видеть его все реже и реже, и вскоре наши отношения сведутся к нескольким визитам в год по праздникам и в выходные летом. Я не вполне мог себе это представить. Кто я такой, если не отец Джейкоба?

А следом на меня обрушилась еще одна мысль, в нынешних обстоятельствах неизбежная: Дэн Рифкин, без сомнения, тоже намеревался обеспечить своему сыну безопасность, ничуть не меньше моего, и, конечно, точно так же не готов был расстаться с сыном. И тем не менее Бен Рифкин лежал сейчас в холодильнике в судебно-медицинском морге, а мой сын – в своей теплой постели, и отделяла одно от другого всего лишь капля везения. К стыду моему, поймал себя на том, что думаю: «Слава богу. Слава богу, что это его сын погиб, а не мой». Я не перенес бы такой потери.

Присев на корточки рядом с кроватью, обнял Джейкоба и прижался лбом к его голове. И вновь мне вспомнилось: в детстве, едва проснувшись, он каждое утро сонно шлепал по коридору в нашу спальню и забирался к нам в постель. А теперь в моих объятиях находился здоровенный костлявый лосенок. Красивый, с темными вьющимися волосами и румяными щеками. Ему было четырнадцать. Он наверняка не позволил бы мне так его обнять, если бы не спал. За последние несколько лет сын сделался мрачным, необщительным и невыносимым. Временами нам казалось, что в нашем доме поселился незнакомец, к тому же настроенный к нам слегка враждебно. Типичное подростковое поведение, утверждала

Лори. Он примеряет на себя разные варианты личности, готовится навсегда оставить детство позади.

Удивительно, но мое прикосновение в самом деле успокоило Джейкоба, отогнало страшный сон, который ему снился. Он вздохнул и перевернулся на другой бок. Его дыхание выровнялось, и он погрузился в глубокий сон, мне на зависть. В свои пятьдесят один я, похоже, совершенно разучился спать. Просыпался по нескольку раз за ночь и в результате спал от силы четыре-пять часов. Мне приятно было думать, что я его успокоил, но кто знает? Может, он вообще не знал, что я рядом.

Тем утром нервы у всех были на пределе. Возобновление занятий в школе имени Маккормака всего через пять дней после убийства действовало на нас немного пугающе. И вроде бы все было как всегда по утрам – душ, кофе с бейглом, одним глазком заглянуть в Интернет, чтобы проверить почту, спортивные результаты и новости, – но мы были взвинчены и не находили себе места. К шести тридцати все были уже на ногах, но закопались и теперь опаздывали, что усиливало общую атмосферу нервозности.

Больше всех нервничала Лори. Думаю, она не просто боялась за Джейкоба. Убийство выбило ее из колеи – так бывает со здоровыми людьми, когда они впервые заболевают чем-то серьезным. Казалось бы, после стольких лет жизни с прокурорским работником Лори должна быть подготовлена к про-

исшедшему куда лучше ее соседей. Ей-то уж точно известно, что – накануне вечером у меня хватило черствости и бестактности заявить об этом вслух – жизнь и правда продолжается. Даже самое зверское преступление в итоге вырождается в следственную рутину: груду протоколов, кучку вещдоков, дюжину потеющих и заикающихся свидетелей. Мир очень быстро забывает и думать о том, что случилось, да и почему должно быть по-иному? Люди умирают, некоторые из них насильственной смертью – да, это трагедия, но в какой-то момент это перестает шокировать, во всяком случае старого прокурорского работника. Лори не раз доводилось видеть этот цикл, подглядывая через мое плечо, и тем не менее, когда насильственная смерть вторглась в ее собственную жизнь, это стало для нее ударом. Это сквозило в каждом ее движении, в той ревматической скованности, с которой она держалась, в ее приглушенном голосе. Она прилагала все усилия, чтобы сохранить самообладание, но справлялась с большим трудом.

Джейкоб молча жевал подогретый в микроволновке резиновый бейгл, уткнувшись в свой «макбук». Лори, по обыкновению, пыталась его растормошить, но он не поддавался.

– Джейкоб, что ты чувствуешь в связи с возобновлением занятий?

– Не знаю.

– Нервничаешь? Тревожишься?

– Не знаю.

– Что значит – не знаю? А кто тогда знает?

– Мам, мне сейчас не хочется разговаривать.

Это была вежливая фраза, которую мы его научили использовать вместо того, чтобы молча игнорировать родителей. Правда, он повторял «Мне сейчас не хочется разговаривать» так часто и так механически, что она перестала быть вежливой.

– Джейкоб, ты можешь мне просто сказать, что с тобой все в порядке, чтобы я не переживала?

– Я же сказал. Мне сейчас не хочется разговаривать.

Лори бросила на меня раздраженный взгляд.

– Джейк, твоя мать задала тебе вопрос. Тебе что, так трудно ответить?

– Все нормально.

– Думаю, маме хотелось бы получить несколько более развернутый ответ.

– Папа, да хватит. – Его внимание вновь переключилось на компьютер.

Я пожал плечами, глядя на Лори:

– Мальчик говорит, что у него все нормально.

– Я слышала. Спасибо.

– Не волнуйся, мать.

– А ты как, муж?

– Все нормально. Мне сейчас не хочется разговаривать.

Джейкоб бросил на меня недовольный взгляд.

Лори против воли улыбнулась:

– Мне нужна дочка, чтобы выровнять баланс сил. Было бы хоть с кем поговорить. А то у меня такое чувство, что я живу с парой надгробных изваяний.

– Тебе нужна жена.

– Мне это уже приходило в голову.

Джейкоба в школу мы повезли вдвоем. Большинство родителей поступили точно так же, и к восьми часам на подъезде к школе царило небывалое оживление. Перед входом даже образовался легкий затор из минивэнов, семейных седанов и джипов. Неподалеку были припаркованы несколько новеньких фургонов, обвешанных спутниковыми тарелками, камерами и антеннами. Круговой проезд с обеих сторон перекрыли полицейскими ограждениями. Перед входом в школу стоял полицейский из Ньютона. Еще один сидел в патрульной машине, припаркованной перед зданием. Школьники, сгибающиеся под тяжестью набитых рюкзаков, проходили мимо этих препятствий. Родители топтались на тротуаре или провожали своих детей до самой входной двери.

Я припарковал наш минивэн на улице в конце квартала, и мы некоторое время сидели, таращась на происходящее.

– Ого, – пробормотал Джейкоб.

– Ага, – согласилась Лори.

– Дурдом какой-то. – Снова Джейкоб.

Вид у Лори был несколько пришибленный. Ее левая рука свесилась с подлокотника, и я залюбовался ее длинными пальцами и красивыми ногтями без лака. У нее всегда были

изящные ухоженные руки; рядом с ней плебейские, с толстыми пальцами, руки моей матери выглядели как собачьи лапы. Я потянулся и сплел свои пальцы с ее, так что наши ладони образовали один кулак. Вид ее руки в моей вызвал у меня мимолетный приступ сентиментальности. Я ободряюще улыбнулся ей и тряхнул нашим объединенным кулаком. Для меня это было прямо-таки исключительное проявление эмоций, и Лори сжала мои пальцы в знак благодарности, а потом вновь устремила взгляд сквозь лобовое стекло. В уголках ее глаз и губ змеились еле заметные морщинки – переживания не прошли для нее даром. Но, глядя на нее, я каким-то образом видел одновременно и ее молодое, не тронутое морщинами лицо.

– Что?

– Ничего.

– Что ты так на меня смотришь?

– Ты моя жена. Имею полное право смотреть.

– Это такой закон?

– Ага. Смотреть, таращиться, пялиться – что мне будет угодно. Можешь мне поверить. Я же юрист.

За каждым хорошим браком тянется длинный хвост историй. Достаточно порой одного слова или жеста или даже простой интонации, чтобы дать толчок целому рою воспоминаний. Мы с Лори флиртовали таким образом уже тридцать с лишним лет, с того самого дня, как познакомились в колледже и оба сразу влюбились до беспамятства. Сейчас, разу-

меется, все изменилось. В пятьдесят один страсти уже не перехлестывают через край. Мы с Лори плыли по жизни рука об руку. Но оба помнили, как все начиналось, и даже сейчас, в самый разгар среднего возраста, когда я думаю о той ослепительно юной девушке, которой она была, меня каждый раз на мгновение охватывает тот самый трепет первой любви – она никуда не делась и по-прежнему горит в моей душе сигнальным огнем.

Мы двинулись к школе, преодолевая подъем: здание располагалось на пригорке.

Джейкоб шагал между нами. На нем были сползающие джинсы, вылинявшая коричневая худи и адидасовские кроссовки «Суперстар». Рюкзак он нес на правом плече. Сын уже успел обрасти, и волосы висели у него над ушами, а челка почти закрывала брови. Кто-то более смелый на его месте пошел бы дальше и подался в готы, хипстеры или бунтарство еще какого-нибудь толка, но только не Джейкоб. Намек на нонконформизм – это максимум риска, на который он был готов. На его лице играла слабая удивленная улыбка. Судя по всему, он получал удовольствие от всего этого переполоха, который, среди прочего, определенно разбавлял унылое однообразие восьмого года обучения.

Очутившись на тротуаре перед школой, мы влились в группку из трех мамаш, чьи дети учились с Джейкобом в одной параллели. Самой громкой и общительной из них, так сказать, скрытым лидером была Тоби Ланцман, та самая по-

друга моей жены, которую я видел на шиве у Рифкинов накануне вечером. На ней были спортивные брюки из блестящей черной лайкры, обтягивающая футболка и бейсбольная кепка. Волосы, стянутые в хвост, она продела сквозь вырез на затылке. Тоби – фитнес-маньячка. У нее было поджарое тело бегуньи и лицо без единой жиринки. Ее мускулистость одновременно восхищала и пугала школьных папаш, но и то и другое было будоражащим. Я лично считал, что она стоит десятка обычных здешних родителей. Тоби была из тех друзей, которых в трудную минуту хотел бы иметь рядом каждый. Из тех, кто не бросит тебя в беде.

Но если Тоби была капитаном этой группы мамаш, то Лори, без сомнения, – ее эмоциональным центром, ее сердцем, да и, пожалуй, мозгом тоже. Со своими бедами все шли именно к моей жене. Что бы ни случилось: какая-то из них теряла работу, или решал пойти налево чей-то муж, или у чьего-то ребенка возникали трудности в школе, – все звонили Лори. Их, без сомнения, привлекало в ней то же самое качество, что и меня: чуткая, вдумчивая теплота. Порой, когда на меня находило, мне начинало казаться, что эти женщины – мои соперницы за место в сердце Лори, что им нужно от нее в точности то же, что и мне, – одобрение и любовь. Поэтому, когда я видел это их сборище подпольной семьи с Тоби в роли строгого отца и Лори в качестве мудрой матери, невозможно было не чувствовать себя исключенным из общего круга и не ревновать.

Тоби собрала нас в кружок на тротуаре, поприветствовав каждого в соответствии с определенным протоколом, принцип которого я так до конца для себя и не уяснил: Лори обнять, меня чмокнуть в щеку – *муа,* выдохнула она прямо мне в ухо, – а Джейкобу бросить «привет».

– Ужасно это все, правда?

Она вздохнула.

– Я до сих пор не могу прийти в себя, – призналась Лори, расслабившись наконец в обществе подруг. – У меня это просто в голове не укладывается. Не знаю, что и думать.

Выражение лица у нее было скорее озадаченное, нежели потрясенное. Она не могла уловить в случившемся никакой логики.

– А ты, Джейкоб? – Тоби устремила взгляд на Джейка, исполненная решимости не обращать внимания на разницу в возрасте между ними. – Как твои дела?

– Все нормально, – пожал плечами Джейкоб.

– Готов вернуться к учебе?

Вместо ответа он снова пожал плечами, на этот раз более демонстративно: вздернул их едва ли не до ушей и резко уронил, – чтобы показать, что заметил покровительственное отношение.

– Беги-ка уже, Джейк, а не то опоздаешь, – вмешался я. – Не забывай, тебе еще нужно будет пройти досмотр.

– Ага.

Сын закатил глаза, как будто вся эта забота о детской без-

опасности была очередным подтверждением вечной глупости взрослых. Не понимают, что ли, что уже поздно?

– Шагай давай, – скомандовал я, улыбнувшись ему.

– Оружие, колющие и режущие предметы при себе имеются? – с ухмылкой спросила Тоби. Она цитировала распоряжение, которое от имени директора школы разослали всем родителям по электронной почте с перечнем новых мер безопасности на территории школы.

Джейкоб большим пальцем приподнял лямку рюкзака:

– Только книги.

– Ну, тогда ладно. Давай. Иди учись.

Джейкоб помахал взрослым, которые благожелательно улыбнулись ему в ответ, и поплелся вдоль ограждения, вливаясь в поток учеников, направлявшихся ко входу в школу.

Как только он ушел, все немедленно отбросили попытки изображать жизнерадостность и лица накрыла мрачная тень тревоги.

Даже у Тоби, когда она заговорила, голос был убитый.

– Кто-нибудь звонил Дэну и Джоан Рифкин?

– Вряд ли, – отозвалась Лори.

– Надо бы это сделать. Ну, то есть нужно позвонить.

– Бедняги. Я себе просто не представляю.

– Думаю, никто не знает, что им сказать, – подала голос Сьюзен Фрэнк, единственная из женщин, кто был одет по-деловому, в серый шерстяной костюм с юбкой. – Что тут скажешь? Нет, ну правда, что можно сказать тем, с кем случи-

лось такое? Это все так… не знаю… невыносимо.

– Ничего, – согласилась Лори. – Что бы мы ни сказали, это все равно ничего уже не поправит. Но тут не важно, что говорить, главное – просто напомнить им, что мы рядом.

– Чтобы они знали, что мы о них думаем, – эхом отозвалась Тоби. – Это все, что мы все сейчас можем. Сделать так, чтобы они знали, что мы о них думаем.

Последняя из присутствующих женщин, Венди Селигман, спросила меня:

– Энди, а вы что думаете? Вам же приходится постоянно это делать, так ведь? Разговаривать с семьями в подобных обстоятельствах.

– Как правило, я ничего утешительного им не говорю. Все исключительно по делу. Никаких посторонних разговоров. Я им все равно ничем особенно помочь не могу.

Венди с разочарованным видом кивнула. Она считала меня занудой, одним из тех мужей, которых волей-неволей приходится терпеть, придатком к подруге. Но она боготворила Лори, которая добилась успеха в каждой из трех важных ролей, которыми пыталась жонглировать эта женщина: жены, матери и – в последнюю очередь – самой себя. Если я интересен Лори, полагала Венди, значит у меня должна быть какая-то скрытая сторона, которую я не считал нужным ей демонстрировать. А это, в свою очередь, возможно, означало, что я находил *ее* скучной и не заслуживающей приложения усилий, которых требовал настоящий диалог. Вен-

ди единственная из всех женщин в их маленькой компании была разведена и в одиночку воспитывала детей и потому склонна была воображать, что остальные приглядываются к ней в поисках изъянов.

Тоби неуклюже попыталась разрядить обстановку:

– А мы-то с Бобом все эти годы старались оградить наших детей от игрушечного оружия и насилия в телепередачах и компьютерных играх. Даже не покупали детям водяные пистолеты, разве что если они были сделаны в виде чего-нибудь другого, и называли их брызгалками или как-нибудь еще, чтобы дети, не дай бог, не узнали. И нате вам. Вот тебе и…

Она в комическом возмущении всплеснула руками.

Но ее шутка не возымела эффекта.

– Точно, – вздохнула Сьюзен, вновь пытаясь поддержать Тоби.

– Думаю, мы переоцениваем свои родительские возможности, – заметила Лори. – Ребенок есть ребенок. Какой уродился, такой и уродился.

– Значит, я могла спокойно давать своим детям эти чертовы водяные пистолеты?

– Возможно. С Джейкобом… я не знаю. Иногда мне кажется, что все, что мы делали, все, о чем беспокоились, на самом деле никогда не имело никакого значения. Он всегда был таким, какой есть сейчас, просто меньше. И точно так же со всеми остальными детьми. Никто из них на самом деле

особенно не изменился с детских времен.

– Да, но и наши принципы воспитания не изменились. Так что, возможно, мы просто все это время учили их одному и тому же.

– У меня лично нет никаких принципов воспитания. Я импровизирую на ходу. – Это Венди.

– И у меня тоже нет. И у всех нас. Кроме Лори. Лори, у тебя, наверное, есть принципы воспитания. И у тебя тоже, Тоби. – Это Сьюзен.

– Нету у меня никаких принципов!

– О, еще как есть! Ты небось книги по этой теме читаешь.

– Никогда! – Лори подняла руки над головой: *я невиновна.* – В любом случае суть в том, что, по моему мнению, мы льстим себе, когда утверждаем, что можем серьезно влиять на ребенка в ту или иную сторону. В большинстве своем все уже заложено в них с рождения.

Женщины переглянулись. Может, это в Джейкоба все было заложено с рождения, а в их детей – нет. По крайней мере, не в такой степени, как в Джейкоба.

– Кто-нибудь из вас знал Бена? – спросила Венди. Она имела в виду Бена Рифкина, жертву убийства.

Никто его не знал. Называя его по имени, они как бы принимали его в свой круг.

– Нет. Дилан никогда с ним не дружил. И Бен никогда не занимался ни спортом, ни чем-нибудь подобным, – отозвалась Тоби.

– Они с Максом время от времени оказывались на занятиях в одной группе. Я его видела, – пробормотала Сьюзен. – Он производил впечатление примерного мальчика, но как можно знать наверняка?

– Они сейчас живут своей жизнью, эти дети. Уверена, у них есть свои секреты, – согласилась Тоби.

– В точности как и у нас. Во всяком случае, в их возрасте, – возразила Лори.

– Я была примерной девочкой. В их возрасте мои родители со мной вообще проблем не знали, – заявила Тоби.

– Я тоже была примерной девочкой, – сказала Лори.

– Не такой уж и примерной, – вмешался в разговор я.

– Это было до того, как мы с тобой познакомились. Ты научил меня плохому.

– В самом деле? Пожалуй, тут есть чем гордиться. Надо будет указать это в моем резюме.

Но шутки так скоро после упоминания имени убитого ребенка казались неуместными, и мне стало неловко за собственную черствость перед этими женщинами, чьи душевные качества намного превосходили мои.

Повисло молчание, потом у Венди вырвалось:

– Ох, господи, бедные, бедные родители. Бедная мать! Мы тут разглагольствуем: «Жизнь продолжается, снова в школу», а ее мальчика уже никогда не вернуть.

Глаза Венди наполнились слезами. Это было самое ужасное: внезапно, притом что ты лично ни в чем не виноват…

Тоби подошла к подруге и обняла ее, а Лори со Сьюзен принялись поглаживать Венди по спине.

Я, исключенный из общего действа, какое-то время постоял на месте с бессмысленно-благожелательным выражением лица – напряженная улыбка, подернутый легкой печалью взгляд, – потом, не дожидаясь, пока дамы совсем раскиснут, извинился и сказал, что хочу пойти взглянуть на полицейский пост у входа в школу. Я не вполне понимал скорбь Венди по ребенку, которого она даже не знала, и расценил это как еще одно свидетельство женской эмоциональной уязвимости. Кроме того, когда Венди повторила те самые слова, которые я произнес накануне вечером, «жизнь продолжается», это как бы подкрепило позицию Лори в нашей размолвке, которую мы едва преодолели. В общем, я воспользовался первым попавшимся предлогом, чтобы улизнуть.

Пост полиции был установлен в школьном вестибюле. Он представлял собой длинный стол, где вручную досматривали куртки и рюкзаки, и пятачок, на котором полицейские из Ньютонского отдела, двое мужчин и две женщины, водили по ученикам металлоискателями. Джейк прав: все это выглядело как полный бред. Не было никаких причин считать ни что кто-то попытается пронести в школу оружие, ни что убийца вообще имеет какое-то отношение к школе. Тело было обнаружено даже не на территории школы. Во всем этом не было ровным счетом никакого смысла, кроме успокоения родителей.

Когда я подошел, в ритуальном танце с поочередным обыском каждого ученика как раз случилась некоторая заминка. Девочка-подросток на повышенных тонах спорила с одним из полицейских, а второй стоял и смотрел на это все со своим металлоискателем наперевес, как будто не исключал возможности пустить его в ход вместо дубинки против нарушительницы спокойствия. Проблема, как оказалось, заключалась в ее толстовке, на груди которой красовалась надпись «FCUK». Полицейский счел эту надпись провоцирующей и, следовательно, в соответствии с новыми правилами безопасности в школе недопустимой. Девочка же пыталась объяснить ему, что это аббревиатура, составленная из первых букв названия одежной марки[4], магазин которой можно найти в любом торговом центре, и даже если она и напоминает «плохое слово», каким образом оно может кого-то *спровоцировать*? И нет, она не намерена расставаться со своей толстовкой, которая стоила кучу денег, и вообще, с какой стати она должна позволять какому-то полицейскому ни за что ни про что выкинуть ее толстовку в мусорку? Ситуация зашла в тупик.

Ее противник, полицейский, стоял ссутулившись, и шея

---

[4] Имеется в виду британская торговая марка French Connection UK, получившая свое название в честь фильма «Французский связной» (1971). Широкую известность получила после эпатажной рекламной кампании 1997 года, когда один из креативных директоров предложил использовать аббревиатуру, составленную из первых букв названия, сыграв на визуальном сходстве этого буквосочетания с ругательством.

его была вытянута таким образом, что голова оказалась впереди туловища, придавая ему сходство с грифом. Увидев, что я приближаюсь, он распрямился и втянул голову, отчего кожа у него под подбородком собралась складками.

– Все в порядке? – спросил я полицейского.

– Так точно, сэр.

«Так точно, сэр». Я терпеть не мог эти армейские замашки, перенятые полицейскими служащими, все эти псевдовоинские звания, субординацию и все прочее из той же оперы.

– Вольно, – пошутил я, но полицейский, сконфузившись, уставился себе под ноги. – Привет, – произнес я, обращаясь к девчонке, которая выглядела класс на седьмой-восьмой. Я не припоминал, чтобы она училась в одной параллели с Джейкобом, но она вполне могла бы там учиться.

– Привет.

– Что у вас тут за проблема? Возможно, я смогу помочь.

– Вы же папа Джейкоба Барбера, да?

– Совершенно верно.

– А вы разве не полицейский или кто-то в этом духе?

– Всего лишь помощник окружного прокурора. А ты кто?

– Сара.

– Сара. Так, Сара, из-за чего сыр-бор?

Девочка замялась. Потом выпалила:

– Просто я пытаюсь объяснить офицеру, что вовсе не обязательно отбирать у меня толстовку, я могу убрать ее в шкафчик или вывернуть наизнанку или еще что-нибудь. А

ему не нравится, что на ней написано, даже если это никто не увидит, и вообще, подумаешь, это ведь всего лишь *слово.* Это все какой-то полный…

Она не договорила последнее слово: *идиотизм.*

– Не я придумываю эти правила, – уперся полицейский.

– Но тут ничего такого не написано! В том-то все и дело! Тут не написано то, что он говорит! И вообще, я же уже сказала ему, я ее уберу. Я же ему сказала! Я ему миллион раз это повторила, а он меня не слушает. Это несправедливо.

Девчонка готова была разреветься, и это напомнило мне о вполне взрослой женщине, которую я только что оставил стоять на тротуаре тоже практически в слезах. Господи, ну никуда от них не денешься!

– Так, – предложил я полицейскому, – думаю, не случится ничего страшного, если девочка просто оставит толстовку в своем шкафчике, правда? Не представляю себе, чтобы из-за этого могли возникнуть какие-то неприятности. Под мою ответственность.

– Ну, вы тут главный. Как скажете.

– А завтра, – обратился я к девочке, чтобы полицейский не посчитал, что я подрываю его авторитет, – думаю, будет лучше, если ты придешь в школу в чем-нибудь другом.

Я подмигнул ей, и она, подхватив свои вещи, поспешила по коридору прочь.

Я встал плечом к плечу с обиженным в лучших чувствах полицейским, и мы вместе посмотрели сквозь стеклянные

входные двери на улицу.

Выдох.

– Вы все правильно сделали, – сказал я. – Наверное, не стоило вмешиваться.

Это, разумеется, была чушь собачья. И первое, и второе предложение. И полицейский, без сомнения, тоже это понимал. Но что ему оставалось делать? Те же самые правила субординации, которые требовали от него обеспечить соблюдение идиотского правила, теперь требовали, чтобы он подчинился паршивому юристишке в дешевом костюме. Ведь никто понятия не имеет, как тяжело быть полицейским и сколь ничтожная часть ежедневной полицейской работы в итоге находит отражение в рапортах, которые попадают на стол к тупоголовым прокурорским, даже не нюхавшим настоящей жизни, потому что безвылазно торчат в своих судах, точно монашки в монастыре. Пфф.

– Ничего страшного, – отозвался полицейский.

И в этом в самом деле не было ничего страшного. Но я все равно еще какое-то время постоял рядом с ним, чтобы у него не осталось никаких сомнений, на чьей я стороне.

4
Тупик

Здание суда округа Мидлсекс, где располагалась прокуратура, было откровенно уродливым. Шестнадцатиэтажная высотка, построенная в 1960-е годы из бетонных блоков, снаружи представляла собой сочетание всевозможных прямоугольных форм: плоских плит, ячеистых решеток и узких вытянутых бойниц-окон. Такое впечатление, что архитектор, проектировавший это чудо, решил отказаться от всех изогнутых линий и теплых строительных материалов в попытке придать своему творению как можно более мрачный вид. Изнутри дела обстояли немногим лучше. Душные, пожелтевшие, грязноватые помещения. Большая часть кабинетов без окон: бетонная коробка здания превращала их в склепы. Отделанные в современном стиле залы суда тоже были без окон. Делать залы суда без окон – это распространенная архитектурная традиция, чтобы усилить эффект камеры, изолированной от окружающего мира, площадки, на которой происходит великая и вечная работа закона. Здесь не было нужды тревожиться: можно проводить в этих стенах день за днем и никогда не видеть дневного света. Хуже того, здание окружного суда было известно как «больное здание». Лифтовые шахты отделаны асбестом, и всякий раз, когда двери лифта с лязганьем разъезжались, высотка выпле-

вывала в воздух облако токсичной микровзвеси. В ближайшем времени этого монстра должны были закрыть. А пока что для обитавших внутри адвокатов и следователей убожество антуража не играло слишком большой роли. Реальная работа местных властей нередко происходит именно в таких обшарпанных интерьерах. Очень скоро ты просто перестаешь их замечать.

В обычные дни я, как правило, к семи тридцати или к восьми утра уже сидел за своим столом, наслаждаясь тишиной до тех пор, пока не начинали разрываться телефоны. Первый звонок раздавался в девять тридцать. Но поскольку в то утро я заезжал к Джейкобу в школу, то на работе появился лишь в десятом часу. Хотелось как можно скорее взглянуть на дело Рифкина, и, едва закрыв за собой дверь кабинета, я уселся в кресло и разложил на столе фотографии с места преступления. Упершись ногой в тумбу стола, я прислонился к спинке кресла и окинул их взглядом.

По углам стола ламинат начал отходить от древесно-стружечной плиты. У меня была привычка в моменты волнения механически ковырять эти углы, поддевая гибкое ламинированное покрытие пальцем, точно корочку на болячке. Иногда даже вздрагивал от неожиданности, слыша ритмичные щелчки, которые издавал ламинат, когда я приподнимал и вновь отпускал его. Этот звук ассоциировался у меня с глубокой задумчивостью. В то утро я, вне всякого сомнения, тикал, как бомба.

От этого расследования у меня было ощущение чего-то неправильного. Странного. Видимо, потому, что, несмотря на целых пять дней активной работы по делу, все оставалось глухо. Это клише, но это правда: большая часть дел раскрывается очень быстро, по горячим следам, в первые сумасшедшие часы и дни после убийства, пока вокруг него еще не утих шум и полно улик, версий, идей, свидетелей, обвинений – словом, возможностей. Другие дела требуют недели на то, чтобы их распутать, уловить верный сигнал в этой шумовой завесе, вычленить единственную правдивую версию из множества правдоподобных. И лишь немногие дела так и остаются нераскрытыми. Сквозь помехи так и не удается расслышать даже намека на сигнал. Вариантов оказывается масса, и все в равной степени правдоподобны, но ни один из них невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, и дело заходит в тупик. Но шум есть всегда, в любом деле. Всегда имеются подозреваемые и какие-то версии. А вот в деле Рифкина их не было. Пять дней – и вообще ничего. Кто-то нанес три аккуратных ножевых ранения мальчику в грудь и не оставил никаких следов, по которым можно было бы сделать выводы, кто это совершил и почему.

Мучительная тревога, которую это вызывало – у прокуратуры, у полицейских, да у всего города, – уже начинала действовать на нервы. У меня возникло такое чувство, что со мной играют, сознательно манипулируют. Прячут от меня секрет. У Джейкоба и его друзей было в обиходе одно

сленговое выражение – «парить мозги», – которое означает изводить кого-то, водить за нос, обычно путем сокрытия какого-нибудь важного факта. Когда девушка делает вид, что ей нравится парень, она парит ему мозги. Когда в фильме уже под конец всплывает какой-нибудь существенный факт, который изменяет смысл или объясняет все, что произошло до того, – как, например, в «Шестом чувстве» или «Подозрительных лицах», – сценаристы парят мозги зрителям. Так вот, с делом Рифкина у меня крепло ощущение, что мне парят мозги. Единственный вариант объяснения того, что с момента убийства в деле царила мертвая тишина, заключался в том, что все это было кем-то срежиссировано заранее. И теперь этот кто-то наблюдал за нами со стороны, забавляясь нашей растерянностью, нашей недогадливостью. На этапе расследования насильственного преступления детектив часто испытывает праведную ненависть к преступнику еще до того, как у него возникает подозрение, кто он, этот злодей. Мне столь сильные чувства обычно были чужды, но к этому убийце я уже питал неприязнь. За то, что он убил ребенка, да, но и за то, что парил нам мозги, тоже. За то, что отказывался сдаваться. За то, что он, а не мы контролировал ситуацию. Когда наконец буду знать его по имени и в лицо, я просто подгоню свою неприязнь по его меркам.

На фотографиях с места преступления, разложенных передо мной, в бурой листве лицом вверх лежало неестественно изогнутое тело, глядя в небо незрячими глазами. В фото-

графиях самих по себе не было ничего ужасающего – мальчик лежал в листве. Да и вид крови давно уже не вызывал у меня потрясения. Как и большинство людей, в чьей жизни присутствовало насилие, я старался удерживать свои эмоции в строгих рамках, не позволяя им ни зашкаливать, ни отключаться совсем. Так было с детства. Я держал свои эмоции в стальной узде.

Бенджамину Рифкину было четырнадцать лет, он учился в восьмом классе школы Маккормака. Джейкоб учился с ним в одной параллели, но толком его не знал. Он сообщил мне, что в школе у Бена была репутация, как выразился сын, раздолбая – умного, но не слишком усердного в учебе. Потому они с Джейком, который почти по всем предметам был в сильной группе, практически не пересекались[5]. Он был красивым мальчиком, пожалуй, даже вызывающе красивым. Короткие волосы часто ставил надо лбом торчком при помощи какой-то субстанции, именуемой воском для волос. Судя по словам Джейкоба, он нравился девочкам. Бен был мальчиком спортивным, но предпочитал скейтборд и горные лыжи командным видам спорта.

– Мы с ним не общались, – сказал Джейкоб. – У него была своя компания. Они все там такие крутые, куда уж нам. – И добавил с толикой подросткового ехидства: – Сейчас-то все

[5] В школах США не практикуется жесткое разделение по классам. Ученики одного возраста (параллели) могут заниматься в группах различного уровня сложности по разным предметам, в зависимости от способностей и уровня подготовки ученика в каждом отдельно взятом предмете.

от него без ума, а раньше никто его даже не замечал.

Тело было найдено 12 апреля 2007 года в парке Колд-Спринг, шестидесятипятиакровой сосновой роще, граничащей с территорией школы. Сквозь лес петляли многочисленные тропинки, облюбованные поборниками оздоровительных пробежек. Дорожки пересекались друг с другом и вели, многократно разветвляясь, к главной дороге, которая огибала парк по периметру. Я знал все эти тропки как свои пять пальцев, поскольку сам почти каждое утро там бегал. Именно у одной из таких узких троп в канаве и обнаружили лежащее ничком тело Бена. Нашла его женщина по имени Пола Джианетто во время утренней пробежки. Момент обнаружения зафиксирован с точностью до минуты: она отключила свои беговые часы, когда остановилась, чтобы посмотреть, что там такое, в 9:07 утра – менее чем через час после того, как мальчик вышел из дома в школу, до которой было рукой подать. Видимых следов крови на теле не было. Жертва лежала головой вниз под уклон, с раскинутыми руками и сведенными вместе ногами, точно грациозный ныряльщик в прыжке. Джианетто рассказала, что не сразу поняла, что подросток мертв, поэтому перевернула его на спину, надеясь привести в чувство.

– Я решила, ему просто стало плохо, может, сознание потерял или еще что-нибудь. Я не думала…

Судмедэксперт позднее отметила, что, возможно, именно положением тела в пространстве, тем, что ноги оказались

выше головы, объяснялся неестественный румянец на лице мальчика. Кровь прилила к голове, вызвав «синюшность». Когда свидетельница перевернула его на спину, она увидела, что весь перед его футболки залит алой кровью. Ахнув, она потеряла равновесие и упала на землю, потом отползла на несколько футов в сторону на четвереньках, после чего поднялась на ноги и бросилась бежать. Поэтому положение тела на фотографиях – изломленное, лицом вверх – во внимание принимать не стоило.

Мальчика трижды ударили ножом в грудь. Один из ударов пронзил сердце; даже только его одного хватило бы, чтобы убить. Нож всаживали прямо в грудь и тут же выдергивали из раны: раз, другой, третий, точно штык. Лезвие было зазубренным, о чем свидетельствовал рваный левый край каждой из трех ран и неаккуратные прорехи в материале футболки. Угол, под которым были нанесены раны, наводил на мысль о том, что нападавший был приблизительно одного роста с Беном: пять футов десять дюймов или около того. Хотя, учитывая, что территория парка располагалась на склоне, оценка была не слишком достоверной. Орудие убийства не нашли. Судя по всему, убитый не оказал никакого сопротивления: на руках его не обнаружили характерных для такого сценария ран. Самой ценной уликой, пожалуй, был единственный идеально четкий отпечаток окровавленного пальца на пластиковом ярлычке внутри расстегнутой толстовки убитого, в том месте, где убийца мог ухватиться за лацканы, когда та-

щил его по склону в канаву. Отпечаток не принадлежал ни самому убитому, ни Поле Джианетто.

За пять дней обстоятельства убийства не прояснились практически ни на йоту. Детективы опросили всю округу и дважды прочесали парк: сразу же после обнаружения тела и еще раз через сутки, чтобы найти свидетелей, которые регулярно бывали в парке в это время. Никаких результатов это не дало. В глазах прессы и – чем дальше, тем больше – перепуганных родителей из школы Маккормака убийство выглядело случайным нападением. Дни шли, никаких новостей не поступало, полиция и прокуратура хранили молчание, и родители усмотрели в этом подтверждение своим худшим страхам: в парке Колд-Спринг орудует маньяк. Парк опустел, хотя перед ним весь день дежурила патрульная машина местной полиции, чтобы любителям бега и спортивной ходьбы было не так страшно. Лишь хозяева собак приходили, чтобы спустить своих питомцев с поводка и дать им побегать на специально отведенной площадке.

В кабинет, по обыкновению небрежно стукнув в дверь, скользнул сотрудник полиции штата по имени Пол Даффи и плюхнулся в кресло напротив моего стола. Вид у него был взбудораженный.

Лейтенант Пол Даффи – потомственный полицейский, коп в третьем поколении, сын бывшего начальника Бостонского убойного отдела. Впрочем, по его виду никто этого бы не сказал. Интеллигентный, с залысинами надо лбом и тон-

кими чертами лица, он производил впечатление человека, занятого в какой-то более мирной профессии, нежели охрана правопорядка. Даффи возглавлял отдел полиции, прикрепленный к прокуратуре. Отдел этот был известен под аббревиатурой ОПБП – отдел по предотвращению и борьбе с преступностью, но название это не несло в себе ровным счетом никакого смысла (предотвращение и борьба с преступностью – это вроде как то, чем занимаются все полицейские), и едва ли кто-то знал, что именно означают эти буквы. На практике же задача ОПБП была проста: детективы при окружном прокуроре. Они расследовали особо важные дела, дела повышенной сложности или с большим сроком давности. Но главное то, что они занимались всеми убийствами в округе. При расследовании убийств детективы из ОПБП работали совместно с местными полицейскими, которые, как правило, помощи были только рады. За пределами Бостона убийства случались довольно редко, и местные просто не обладали достаточным опытом, в особенности в маленьких городках, где убийства – экзотика вроде кометы. И тем не менее вмешательство полиции штата в подобные дела было ситуацией политически щекотливой. Тут необходима дипломатичность, и Пол Даффи обладал ею в полной мере. Чтобы возглавлять отдел, недостаточно было быть просто хорошим следователем. Тут требовалась определенная гибкость, умение удовлетворить разные стороны, которым в процессе выполнения своих обязанностей ОПБП наступали на хвост.

Я любил Даффи безмерно. Изо всех полицейских, с кем пришлось работать, с ним единственным я по-настоящему сдружился. Мы частенько вели дела совместно, старший следователь прокуратуры и старший детектив. Общались и вне работы. Пол попросил меня стать крестным среднего из троих своих сыновей, Оуэна, и если бы только я верил в Бога или в крестничество, я ответил бы ему тем же. Он был более общительным, чем я, более компанейским и сентиментальным, но хорошие друзья и должны дополнять друг друга, а не быть абсолютно одинаковыми.

– Скажи, что ты что-то накопал, или выметайся из моего кабинета.

– Я что-то накопал.

– Ну наконец-то.

– И это вместо «спасибо»?

Он плюхнул передо мной на стол досье.

– «Леонард Патц, – принялся читать я заключение совета по пробации. – Развратные действия в отношении несовершеннолетнего, действия непристойного характера, покушение на изнасилование, развратные действия, обвинения сняты; развратные действия в отношении несовершеннолетнего, на рассмотрении». Мило. Местный педофил.

– Ему двадцать шесть лет, – уточнил Даффи. – Живет неподалеку от парка в жилом комплексе «Виндзор», или как там он называется.

На полицейском снимке, прикрепленном к папке скреп-

кой, был бугай с пухлым лицом, подстриженными ежиком волосами и губами бантиком. Я вытащил фотографию из-под скрепки и принялся разглядывать:

– Красавчик, нечего сказать. Почему мы ничего о нем не знали?

– Его не было в базе данных лиц, совершивших преступления сексуального характера. Он переехал в Ньютон год назад и не встал на учет в полиции.

– А как тогда вы на него вышли?

– Его сдал один из ребят из отдела по расследованию насильственных преступлений над детьми. Он как раз ведет то самое дело о развратных действиях в Ньютонском окружном суде. Там в самом верху страницы.

– Отпущен под залог?

– Под подписку.

– А что он сделал?

– Пощупал за причиндалы какого-то парнишку в публичной библиотеке. Парнишке было четырнадцать, как Бену Рифкину.

– Серьезно? Тут есть за что ухватиться.

– Ну, это хоть какая-то зацепка.

– Погоди, он хватает ребенка за яйца и его выпускают под подписку?

– По всей видимости, там под вопросом, захочет мальчик свидетельствовать против него или нет.

– И все равно. Я тоже хожу в эту библиотеку.

– В следующий раз береги яйца.

– И так все время это делаю.

Я вновь вгляделся в фотографию. Этот Патц показался мне подозрительным. Разумеется, я был в отчаянии – хотелось, чтобы это чувство возникло, мне позарез был нужен хоть какой-то подозреваемый, требовался какой-то результат, – поэтому я не стал безоговорочно доверять своим подозрениям. Но и полностью сбрасывать их со счетов тоже не стоило. Внутреннему голосу нужно доверять. Из этого и складывается профессионализм: из всего твоего опыта, всех выигранных и проигранных дел, болезненных промахов, всех тех мелочей, которым ты учишься путем механического повторения раз за разом, – все это со временем вырабатывает у тебя профессиональное чутье. «Чуйку». И с первого же взгляда моя чуйка шепнула мне, что Патц может оказаться тем, кого мы ищем.

– По крайней мере, тряхануть его точно стоит, – решил я.

– Тут есть одна загвоздка: никакого насилия за Патцем не числится. Ни оружия, ничего. Такая вот штука.

– Я вижу два эпизода развратных действий. Как по мне, это уже достаточное насилие.

– Схватить кого-то за яйца – одно дело, а убийство – совсем другое.

– Ну, все когда-то случается в первый раз.

– Возможно. Не знаю, Энди. Ну, то есть я вижу, к чему ты клонишь, но, как по мне, этот Патц просто придурок, а не

убийца. Да и к тому же на теле Рифкина нет никаких следов сексуального насилия.

Я пожал плечами:

– Может, до этого просто не дошло. Например, его спугнули. Или, может, он подошел к мальчику с предложением или попытался затащить его в лес под угрозой ножа, а тот стал сопротивляться. А может, поднял его на смех, и Патц впал в ярость.

– Как-то многовато «а может».

– Что ж, посмотрим, что он нам скажет. Берите его.

– Мы не можем. Его не за что брать. У нас на него нет никаких зацепок.

– Тогда попросите его взглянуть на фотографии из нашей картотеки, вдруг узнает кого-нибудь, кого мог видеть в парке.

– У него уже есть государственный адвокат. По доброй воле он никуда не пойдет.

– А вы ему скажите, что в противном случае он сядет за то, что не встал на учет в полиции по новому месту жительства. Вы же его уже прищучили. Напомните, что детское порно, которое он хранит у себя на компьютере, – это федеральное преступление. Да что я тебя учу! Главное, привезти его и легонько подергать за яйца.

Даффи с ухмылкой повел бровями. Шутки про «подергать за яйца» никогда не устаревают.

– Просто привезите его сюда.

Даффи заколебался:

– Не знаю. Мне кажется, мы слишком спешим. Почему бы просто не поспрашивать по округе, не видел ли кто-нибудь его в то утро в парке? Пообщаться с его соседями. Может, заглянуть к нему самому, без лишнего шума, не пугая его, убедить его поговорить с нами по-хорошему. – Даффи сложил пальцы в щепоть и пощелкал ими, как клювом, открывая и закрывая его: *поговорить, поговорить.* – Тут же никогда не знаешь заранее. Если мы возьмем его, он просто позвонит своему адвокату. И тогда плакал твой единственный шанс поговорить с ним.

– Нет, лучше все-таки его взять. А уж потом ты его обработаешь, Дафф. Что-что, а это ты умеешь.

– Ты уверен?

– Мы не можем позволить, чтобы люди говорили, что мы не прижали этого парня к стенке как следует.

Мои слова прозвучали фальшиво, и на лице Даффи промелькнуло сомнение. Мы всегда придерживались железного правила действовать без оглядки на то, как наши действия могут выглядеть и что могут подумать люди. Решения прокурора не должны зависеть от политики.

– Пол, ты же понимаешь, что я имею в виду. Это первый хоть сколько-нибудь годный подозреваемый. Не хочу, чтобы он соскочил, потому что мы сидели сложа руки.

– Хорошо.

Даффи отклонился на спинку стула. Рабочий разговор

был окончен, и ему хотелось загладить эту небольшую шероховатость между нами.

– Как Джейкоб сегодня пошел в школу?

– Да совершенно нормально. Джейка ничего не беспокоит. Чего нельзя сказать о Лори.

– Что, немного переживает?

– Немного? Помнишь, как в «Челюстях» Рой Шайдер гонит своих детей в океан, чтобы продемонстрировать всем, что купаться безопасно?

– Ты хочешь сказать, что твоя жена была похожа на Роя Шайдера?

– Выражением лица.

– А ты не волновался? Брось, зуб даю, ты сам тоже был похож на Роя Шайдера.

– Ну нет, я был вылитый Роберт Шоу.

– Если я правильно помню, для него все закончилось не слишком хорошо.

– И для акулы тоже. Это все, что имеет значение, Дафф. А теперь вези сюда твоего Патца.

– Энди, меня это все слегка напрягает, – заявила Линн Канаван.

Я не сразу понял, о чем она говорит. У меня даже на миг промелькнула мысль, что она шутит. Когда мы были моложе, она любила розыгрыши, и я не раз попадался, воспринимая всерьез какое-нибудь ее замечание, которое оказыва-

лось шуткой. Потом я осознал, что Линн вполне серьезна. Ну, или кажется таковой. В последнее время я не всегда мог ее понять.

В то утро мы находились в ее большом угловом кабинете втроем: окружной прокурор Канаван, Нил Лоджудис и я. Мы сидели за круглым столом, в центре которого стояла пустая коробка из-под пончиков из «Данкин Донатс», оставшаяся с утреннего совещания. В кабинете сделали неплохой ремонт, стены обили деревом. Окна выходили на Ист-Кембридж. Однако и здесь тоже сквозил неистребимый канцелярский дух, что и во всем остальном здании. Тот же самый сливово-фиолетовый ковролин поверх бетонного пола. Те же пластиковые потолочные панели над головой. Тот же спертый, многократно прогнанный через систему рециркуляции воздух. В общем, по меркам административных кабинетов так себе.

Задумчиво склонив голову набок, Канаван принялась крутить в пальцах ручку:

– Я не знаю. Ты ведешь это дело, и я не очень понимаю, как к этому отношусь. Твой сын ходит в эту школу. Все слишком близко. Меня это слегка напрягает.

– Линн, это напрягает тебя или нашего местного Распутина?

Я кивнул на Лоджудиса.

– Очень смешно, Энди.

– Это напрягает меня, – заверила Канаван.

– Дайте-ка угадаю: Нил хочет это дело себе.

– Нил считает, что могут возникнуть вопросы. И я тоже, если честно. Формально налицо все признаки конфликта интересов. И отмахиваться от этого нельзя.

Отмахиваться от формальностей и впрямь нельзя. Линн Канаван была восходящей звездой политики. С момента ее избрания на должность окружного прокурора два года тому назад все только и говорили о том, на какую должность она будет баллотироваться следующим номером: губернатора, генерального прокурора штата Массачусетс, а может, даже сенатора США? Ей было чуть за сорок, она привлекательна, умна, серьезна и полна амбиций. Мы с ней знали друг друга и работали бок о бок пятнадцать лет. Мы были союзниками. Она назначила меня первым замом в тот же день, когда ее саму избрали окружным прокурором, но я всегда знал, что это ненадолго. Судейская крыса вроде меня в мире большой политики никакой ценности не имеет. Там, куда метила Канаван, мне места не было. Но все это в будущем. Пока же она поджидала благоприятного момента, шлифуя свой имидж, свой «бренд»: серьезный профессионал на страже правопорядка. На камеру она редко улыбалась, редко шутила. Почти не красилась и не носила украшений, волосы стригла коротко и без затей. Старожилы прокуратуры помнили другую Линн Канаван – яркую и харизматичную личность, «своего парня», которая ругалась как сапожник и была способна перепить кого угодно. Избиратели ничего этого не знали, да и возможно, той старой, более естественной

Линн уже и не существовало. Наверное, у нее не было другого выбора, кроме как измениться. Ее жизнь превратилась в бесконечную избирательную гонку; едва ли кто-то мог винить ее в том, что она стала той, кем так долго и старательно притворялась. В любом случае всем нам рано или поздно приходится взрослеть и завязывать с детскими глупостями. Жаль, что при этом что-то неизбежно теряется. В процессе превращения Линн из бабочки в серую моль пострадала наша давняя дружба. Из нее исчезло то ощущение близости, взаимного доверия и душевного родства, которое когда-то были между нами. Быть может, она планировала когда-нибудь в будущем назначить меня судьей, чтобы отплатить за все. Но, думаю, мы оба понимали, что наша дружба себя исчерпала. И из-за этого оба испытывали в присутствии друг друга смутную неловкость и легкую печаль, как давние любовники на излете романа.

Как бы то ни было, потенциальный уход Линн Канаван на повышение оставлял позади нее пустоту, а политики боятся пустоты как огня. Когда-то одна мысль о том, что ее место может занять Нил Лоджудис, казалась абсурдной. Теперь же сбрасывать эту возможность со счетов не стоило. Лоджудис явно не видел во мне соперника. Я не раз говорил, что меня должность окружного прокурора не интересует, и это была чистая правда. Последнее, чего мне хотелось, – это публичности, которая к ней прилагалась. И тем не менее для того, чтобы занять этот пост, недостаточно просто победить в ку-

луарной борьбе. Если Нил хотел стать окружным прокурором, ему необходимо было какое-то настоящее достижение, которое можно предъявить избирателям. Эффектная победа в зале суда. Ему нужен был скальп. И я, кажется, начинал понимать, чей именно.

– Линн, ты забираешь у меня это дело?

– Пока просто спрашиваю тебя, что ты думаешь по этому поводу.

– Мы уже это проходили. Я оставляю дело у себя. Никакой проблемы нет.

– Энди, тут затронуты твои личные интересы. Твоему сыну, вероятно, грозит опасность. Если бы ему не повезло и он оказался в том парке в неудачное время…

– Вы можете быть несколько пристрастны в своих суждениях, – подал голос Лоджудис. – Ну, то есть если быть до конца непредвзятым, если задуматься и посмотреть на этот вопрос объективно.

– Почему я должен быть пристрастен?

– Вы что, нервничаете?

– Нет.

– Энди, вы сердитесь?

– Я похож на человека, который сердится? – осведомился я, чеканя слова.

– Да, похожи. Немного. Ну или на человека, который обороняется. Не стоит, Энди, мы все тут на одной стороне. Послушайте, нервничать в такой ситуации совершенно есте-

ственно. Если бы мой сын оказался замешан…

– Нил, ты что, подвергаешь сомнению мою добросовестность? Или мой профессионализм?

– Не то и не другое. Я подвергаю сомнению вашу объективность.

– Линн, он говорит от твоего имени? Ты веришь в этот бред?

Она нахмурилась:

– Если честно, я выдвинула антенны.

– Выдвинула антенны? Что это значит?

– Мне неспокойно.

– Все дело в том, как это выглядит со стороны, – вмешался Лоджудис. – Никто не утверждает, что вы в самом деле…

– Слушай, Нил, отвали, а? Это не твоя забота.

– Прошу прощения?

– Просто дай мне спокойно расследовать мое дело. Плевать я хотел на то, как и что выглядит со стороны. Расследование продвигается медленно, потому что оно медленно продвигается, а не потому, что я его затягиваю. И я не собираюсь поддаваться нажиму и предъявлять обвинение кому попало только ради того, чтобы в чьих-то глазах это хорошо выглядело. Я думал, уж этому-то я тебя научил.

– Вы научили меня тому, что в любом деле надо рыть носом землю изо всех сил.

– Я и рою носом землю изо всех сил.

– Почему вы не опросили детей? Прошло уже пять дней.

– Ты сам прекрасно знаешь почему. Потому что мы не в Бостоне, Нил, мы в Ньютоне. Тут каждый чих надо предварительно согласовывать: с кем из детей можно поговорить, где с ними можно поговорить, о чем их можно спрашивать, кто должен при этом присутствовать. Это тебе не Дорчестер-Хай. Тут у половины детей родители-адвокаты.

– Успокойтесь, Энди. Вас никто ни в чем не обвиняет. Проблема в том, как это будет воспринято. Со стороны может показаться, что вы игнорируете очевидные вещи.

– Это какие, например?

– Школьников. Вы не думали о том, что убийца – один из учеников? Вы же сами тысячу раз мне твердили: нужно идти по следу, куда бы он ни вел.

– В этом деле нет никаких улик, которые указывали бы на то, что убийца – один из учеников. Ни единой. Если бы школьный след там был, я бы по нему пошел.

– Если его не искать, то его и не будет.

Ага, пронеслось у меня в голове. Наконец-то я понял. Я всегда знал, что этот момент настанет, и вот он настал. На следующей ступеньке служебной лестницы над Нилом находился я. И теперь он метил на мое место, как на места многих других до меня.

Я скупо улыбнулся:

– Нил, что тебе нужно? Это дело? Можешь его забирать. Или моя должность? Ну, раз уж тебе так приспичило, можешь забирать и ее тоже. Но всем было бы легче, если бы ты

просто честно признался в этом вслух.

– Энди, мне ничего не нужно. Я лишь хочу, чтобы все было как полагается.

– Линн, ты намерена забрать у меня это дело или встать на мою сторону?

Она тепло улыбнулась мне, но ответ дала уклончивый:

– Когда я не вставала на твою сторону?

Я кивнул, признавая правдивость ее слов. Потом принял решительный вид и объявил новую стратегию:

– Смотрите, занятия в школе возобновились, все дети сейчас на уроках. На сегодня у нас запланирован опрос учеников. Наверняка что-то да всплывет.

– Хорошо, – подытожила Канаван. – Будем надеяться.

– А кто будет разговаривать с вашим сыном? – вмешался Лоджудис.

– Я не знаю.

– Надеюсь, не вы.

– Не я. Возможно, Пол Даффи.

– Это кто так решил?

– Это я так решил. Нил, так это и устроено. Я принимаю решения. А если мое решение оказывается ошибочным, то и ответственность за него несу тоже я.

Лоджудис метнул на Канаван взгляд, в котором недвусмысленно читалось: *вот, я же* говорил, что он не послушает. Линн встретила его с непроницаемым видом.

5
Все знают, что это сделал ты

Опрашивать учеников принялись прямо после уроков. Для ребят это был длинный день, начавшийся с классного часа и разговора с психологом. Детективы из ОПБП в штатской одежде переходили из класса в класс, убеждая ребят поделиться со следователями любой информацией, которой они могут располагать, при необходимости анонимно. Те отвечали им скучными взглядами.

Школа имени Маккормака была средней, что означало, что в ней обучались ребята с шестого по восьмой класс. Здание ее представляло собой нагромождение прямоугольных бетонных коробок. Внутри стены выкрашены в множество слоев сине-зеленой краски. Лори, которая выросла в Ньютоне и ходила в эту школу в 1970-х, утверждала, что с тех пор школа практически не изменилась, если не считать ощущения, что все сооружение как-то уменьшилось в размерах.

Как я и сказал Канаван, эти опросы вызвали ожесточенные споры. Сначала директор наотрез отказался разрешать нам «вламываться в школу» и беседовать со всеми детьми подряд. Случись это преступление в любом другом месте – в городе, а не в пригороде, – мы и не подумали бы просить на это разрешения. Здесь же школьный совет и даже мэр попытались надавить напрямую на Линн Канаван, чтобы

воспрепятствовать нам. В конце концов нам все-таки разрешили поговорить с детьми на территории школы, но только на определенных условиях. Ребят, которые не учились с Беном Рифкином в одном классе, трогать было нельзя ни в коем случае, разве что у нас имелись веские причины полагать, что им может быть что-то известно. Любой ученик мог потребовать присутствия при беседе кого-то из родителей и/или адвоката и в любой момент отказаться продолжать разговор, причем без каких-либо объяснений. На большую часть требований мы согласились сразу же. Все равно они по закону имели на все это право. Истинная цель выставления всех этих ультиматумов заключалась в том, чтобы дать полицейским сигнал: обращайтесь с этими ребятишками как с хрустальными вазами. И все бы хорошо, но на все эти идиотские согласования мы ухлопали кучу драгоценного времени.

В два часа мы с Полом, оккупировав кабинет директора, приступили к опросу самых важных свидетелей: близких друзей убитого, тех учеников, которые регулярно ходили в школу через парк Колд-Спринг, и тех, кто сам изъявил желание пообщаться со следователями. Нам двоим предстояло опросить два с лишним десятка человек. Остальные детективы в то же самое время должны были опрашивать всех прочих. Никаких особых результатов мы не ожидали. Так, закидывали удочки на всякий случай в надежде – вдруг что-нибудь да наклюнется.

Однако произошло странное. После всего лишь трех или

четырех разговоров у нас с Полом возникло отчетливое ощущение, что мы каждый раз словно натыкаемся на глухую стену. Поначалу мы решили, что имеем дело с обычным репертуаром подростковых закидонов и уверток, всех этих демонстративных пожатий плечами, «ну-у-у-у, сами понимаете» и «какая разница», блуждающих взглядов. Мы оба были отцами. Мы знали, что все подростки отгораживаются от взрослых; это и есть цель всех этих штучек. Само по себе такое поведение не вызывало никаких подозрений. Но чем с большим количеством детей мы говорили, тем отчетливее понимали, что происходит что-то более нахальное, более организованное. Слишком уж далеко заходили эти ребята в своих ответах. Им недостаточно было сказать, что они ничего не знают об убийстве; они заявляли, будто вообще не знали жертву. Складывалось впечатление, что у Бена Рифкина во всей школе не было ни одного друга, одни знакомые. Другие ребята утверждали, что никогда не общались с ним и понятия не имеют, кто общался. Это было неприкрытое вранье. Бен не был изгоем. Мы уже знали имена почти всех его друзей. Так быстро начать открещиваться от него, думал я, – это предательство.

Но хуже всего было то, что врать восьмиклассники школы Маккормака умели не слишком хорошо. Те, что понаглее, похоже, полагали, что оптимальный способ преподнести вранье поубедительней – это лучше стараться. Так что, готовясь скормить нам откровенную туфту, они прекраща-

ли мяться и мямлить и тараторили максимально уверенно. Такое впечатление, что они начитались инструкций на тему того, как отвечать так, чтобы в твою честность поверили, – смотреть в глаза! говорить твердым голосом! – и были исполнены решимости применить их все сразу, точно павлины, распускающие хвост. Смысл заключался в том, чтобы продемонстрировать поведение, противоположное тому, которое можно было бы ожидать от взрослых, – потому что подростки умудряются сообщать правду уклончиво, а врать с самыми честными глазами, – но столь резкая перемена в поведении слишком очевидна. Остальные – таких оказалось большинство – были очень стеснительными, и вранье лишь еще больше это усугубляло. Они вели себя нерешительно. Знание правды заставляло их ежиться. Поэтому и у них тоже выходило неубедительно. Я, разумеется, мог бы им рассказать, что виртуозный лжец непринужденно роняет ложное утверждение между истинными, точно фокусник, ловким движением руки прячущий согнутую карту в середину колоды. Я на виртуозном вранье собаку съел, уж поверьте.

Мы с Полом начали подозрительно переглядываться. Дело стало продвигаться медленнее: мы уже ловили их на совсем откровенном вранье. Между двумя очередными разговорами Пол пошутил о заговоре молчания.

– Эти ребята прямо настоящие сицилийцы, – сказал он.

Ни один из нас не произнес вслух то, о чем думал про себя. Это было то самое ощущение, когда сердце камнем ухает

куда-то в пустоту, как будто земля внезапно уходит у тебя из-под ног. То хмельное чувство, когда ты понимаешь, что дело сдвинулось с мертвой точки.

По всей видимости, мы все это время ошибались – иначе не скажешь. Мы рассматривали версию причастности к убийству кого-то из товарищей Бена по школе, но отмели ее. Не было ни одной улики, которая свидетельствовала бы в ее пользу. Ни угрюмых отшельников из числа учеников, никакого школьного следа вообще. Не было и никакого мотива: ни болезненных подростковых фантазий школьных изгоев о громкой славе, ни доведенных до ручки жертв коллективной травли, желающих отомстить, ни даже самого завалящего конфликта в классе. Ничего. Теперь же ни у одного из нас не было необходимости произносить вслух очевидное. Ребята что-то знают.

В кабинет боком вошла девочка и плюхнулась в кресло напротив нас, после чего принялась очень старательно делать вид, будто нас не видит.

– Сара Гройль? – спросил Пол.

– Да.

– Я лейтенант Пол Даффи из полиции штата. А это Эндрю Барбер. Он помощник окружного прокурора. Ему поручено вести это дело.

– Я знаю. – Она наконец взглянула на меня. – Вы папа Джейкоба Барбера.

– Да. А ты – та самая девочка с толстовкой. Мы разгова-

ривали сегодня утром.

Она застенчиво улыбнулась.

– Прости, я должен был тебя вспомнить. У меня трудный день.

– Да? И с чего это вдруг?

– Никто не хочет с нами разговаривать. Ты, случайно, не знаешь, почему?

– Ну, вы же копы.

– И все?

– Конечно.

Пфф, было написано у нее на лице.

Я немного подождал, надеясь на продолжение. Девчонка вновь нацепила на лицо выражение вселенской скуки.

– Ты дружишь с Джейкобом?

Она уставилась себе под ноги, поразмыслила и пожала плечами:

– Наверное.

– Почему тогда я никогда не слышал твоего имени?

– Спросите у Джейкоба.

– Он ничего мне не рассказывает. Приходится спрашивать у тебя.

– Ну, мы общаемся. Но мы с ним не прямо так чтобы друзья. Просто с ним общаемся.

– А Бен Рифкин? С ним ты общалась?

– Точно так же. Я с ним общалась, но по-настоящему его не знала.

– Он тебе нравился?

– Он был нормальный парень.

– Просто нормальный?

– Ну, вроде неплохой. Я же сказала, мы не были особенно близки.

– Ясно. Я не буду больше задавать глупых вопросов. Почему бы тебе просто не сообщить нам то, что ты знаешь? Что угодно, что могло бы нам помочь, что угодно, что, по твоему мнению, нам следует знать.

Она поерзала в кресле:

– Не очень понимаю, что вы… я не знаю, что вам рассказать.

– Ну, начни со школы. Расскажи мне о школе Маккормака что-нибудь такое, чего я не знаю. Как тебе здесь? Что здесь смешного? Что здесь странного?

Молчание.

– Сара, пойми, мы хотим помочь, но для этого нам нужно, чтобы кто-нибудь из вас помог нам.

Она вновь поерзала в своем кресле.

– Тебе не кажется, что это твой долг перед Беном? Если он был твоим другом.

– Мне вроде особо нечего сказать. Я ничего такого не знаю.

– Сара, тот, кто это сделал, до сих пор гуляет на свободе. Ты же это понимаешь, правда? Если ты можешь чем-то помочь, это твоя обязанность. Настоящая обязанность. Иначе

то же самое случится с кем-нибудь еще. И тогда это будет на твоей совести. Если ты ничего не сделаешь, чтобы положить этому конец, тогда следующая жертва будет на твоей совести, понимаешь? И каково тебе будет после этого?

– Вы пытаетесь заставить меня чувствовать себя виноватой. Ничего у вас не выйдет. Моя мама тоже вечно так делает.

– Я не пытаюсь заставить тебя чувствовать себя виноватой. Я просто говорю тебе правду.

Молчание.

Бабах! Даффи в сердцах грохнул по столу раскрытой ладонью. От хлопка бумаги, лежавшие на столе, разлетелись в разные стороны.

– Господи ты боже мой! Энди, все это бред собачий. Давай уже, вызывай этих мелких поганцев повесткой! Вызывай их на большое жюри, бери с них присягу, и если они и тогда откажутся говорить, просто отправишь их за решетку за неуважение к суду. Это пустая трата времени. Твою же мать!

Глаза девчонки расширились.

Даффи вытащил из кобуры на ремне сотовый телефон и уставился на него, хотя аппарат не звонил.

– Мне нужно позвонить, – заявил он. – Я сейчас.

С этими словами он скрылся за дверью.

– Из вас двоих он типа злой полицейский? – поинтересовалась девчонка.

– Угу.

– Не очень-то у него это хорошо получается.

– Ты вздрогнула. Я за тобой наблюдал.

– Только потому, что он меня напугал. Грохнул по столу неожиданно.

– Ты знаешь, а он прав. Если вы не хотите помогать нам по-хорошему, нам придется действовать по-плохому.

– Я думала, мы не обязаны ничего говорить, если не захотим.

– Сегодня не обязаны, а завтра не факт.

Она принялась обдумывать мои слова.

– Сара, это правда, то, что ты сказала. Я помощник прокурора. Но я еще и отец, понимаешь? Поэтому я не намерен сидеть сложа руки. Потому что у меня из головы не выходит отец Бена Рифкина. Я все время думаю, каково ему сейчас. Ты можешь себе представить, что почувствовали бы твои мама с папой, если бы такое случилось с тобой? Как сильно они бы горевали?

– Они разошлись. Мой папаша от нас свалил. Я живу с мамой.

– Ох. Прости.

– Ничего страшного.

– В общем, Сара, послушай, вы все здесь наши дети, понимаешь? Все дети из класса Джейкоба, даже те, которых я не знаю. Мне не все равно, что с вами будет. И всем нам, родителям, не все равно.

Она закатила глаза.

– Ты этому не веришь?

– Нет. Вы меня даже не знаете.

– Это правда. Только вот мне не все равно, что с тобой будет. Не все равно, что будет с этой школой, с этим городом. Я не намерен сидеть сложа руки. Само собой это не прекратится. Ты это понимаешь?

– А с Джейкобом тоже кто-нибудь говорит?

– Ты имеешь в виду моего сына?

– Да.

– Конечно.

– Ясно.

– А почему ты спрашиваешь?

– Просто так.

– Должна быть какая-то причина. В чем дело, Сара?

Девчонка принялась внимательно рассматривать собственные коленки.

– Полицейский, который приходил в наш класс, сказал, что, если мы хотим что-то рассказать, мы можем сделать это анонимно.

– Это правда. У нас есть специальная горячая линия.

– А откуда нам знать, что вы не попытаетесь, ну там, выяснить, кто вам звонил? Ну, то есть вы же захотите это выяснить? Кто что-то рассказал?

– Сара, хватит. Что тебе известно?

– Откуда мы знаем, что это останется анонимным?

– Ну, наверное, вам придется просто нам поверить.

– Кому «вам»? Вам лично?

– Мне. Детективу Даффи. Над этим делом работает множество людей.

– А что, если я… – Она вскинула глаза.

– Послушай, Сара, я не собираюсь тебе врать. Если ты скажешь мне что-то здесь, это не будет анонимным. Моя работа – не просто поймать того, кто это сделал, но еще и судить его за это, а для этого мне нужны будут свидетели. Я солгал бы тебе, если бы попытался убедить тебя в чем-то ином. Поэтому стараюсь быть с тобой честным.

– Ясно. – Она немного подумала. – Я ничего такого не знаю.

– Ты в этом уверена?

– Да.

Я посмотрел ей прямо в глаза, чтобы дать понять, что у нее не получилось обвести меня вокруг пальца, потом принял ее ложь. И вытащил из бумажника визитку:

– Это моя визитная карточка. Я сейчас запишу на обратной стороне номер моего сотового. И мой личный имейл. – Я придвинул карточку к ней. – Можешь связаться со мной в любое время, поняла? В любое время. А я буду приглядывать за тобой.

– Ясно.

Она взяла карточку и поднялась. Потом начала рассматривать свои руки. Кончики ее пальцев были в пятнах черных чернил. Их не стерли до конца. В тот день у всех уче-

ников школы брали отпечатки пальцев «в добровольном порядке», хотя все шутили, что на самом деле это было добровольно-принудительно. Сара нахмурилась, глядя на черные пятна, потом скрестила руки на груди, чтобы спрятать их под мышками, и, стоя в этой неловкой позе, неожиданно произнесла:

– Послушайте, мистер Барбер, можно задать вам один вопрос? А вы когда-нибудь бываете злым полицейским?

– Нет, никогда.

– Почему?

– Ну, наверное, это просто не в моем характере.

– А как же тогда вы делаете вашу работу?

– Ну, я тоже при желании могу быть не слишком добрым, можешь мне поверить.

– Вы просто этого не показываете?

– Я просто этого не показываю.

В тот вечер, без малого в одиннадцать, я сидел на кухне за ноутбуком, который пристроил на столешнице. Заканчивал кое-какие рабочие дела, главным образом отвечал на имейлы. И тут в мой ящик упало новое письмо. В поле «Тема» большими – прямо-таки кричащими – буквами значилось: «RE: БЕН РИФКИН >>> ВАЖНО». Отправили его с адреса tylerdurden982@gmail.com. Время отправки было обозначено как 22:54:27. Тело письма состояло из одной-единственной строчки, гиперссылки со словами «Загляните сюда». Я

щелкнул по ссылке.

Ссылка вела на группу на «Фейсбуке», которая называлась «♥Друзья Бена Рифкина♥» Группа была новой. Ее не могли создать более чем четыре дня назад; в день убийства ребята из ОПБП прошерстили «Фейсбук», и ее там не было.

Мы нашли личную страничку погибшего мальчика (практически у всех ребят из школы Маккормака были страницы на «Фейсбуке»), но там не оказалось ничего такого, что могло бы пролить свет на обстоятельства его убийства. В своем профиле он изо всех сил старался представить себя свободолюбивой личностью.

Бен Рифкин

Ушел кататься на скейтборде
Учебное заведение: Средняя школа Маккормака ’07, Ньютон, Массачусетс
Пол: Мужской
Интересы: Женщины
Семейное положение: Холост
День рождения: 3 декабря 1992 года
Политические взгляды: Вулканец
Религиозные взгляды: Язычник

В остальном его страничка представляла собой обычную мешанину из цифрового мусора: видеоролики с «Ютуба», игры, картинки, какие-то бессодержательные невнятные сообщения. Впрочем, по сравнению с другими Бен явно не

был на «Фейсбуке» завсегдатаем. Всплеск активности на его страничке случился уже после того, как его убили, когда туда начали писать его одноклассники, и их сообщения продолжали появляться и появляться, точно потусторонние приветы, пока страницу не удалили по просьбе родителей.

Эта новая коллективная страничка, по всей видимости, появилась взамен той, чтобы ребятам было куда писать сообщения об убийстве. В ее названии «♥Друзья Бена Рифкина ♥» «друзья», по всей видимости, имелись в виду в их фейсбуковском смысле: она была открыта для всех, кто учился в параллели Бена, вне зависимости от того, дружили они в реальной жизни или нет.

Наверху страницы была помещена небольшая фотография Бена, та же самая, которую он использовал на своей личной странице. По всей видимости, тот, кто организовал эту группу, оттуда ее и взял. На снимке улыбающегося Бена запечатлели без рубашки, похоже, где-то на пляже (позади него можно было разглядеть песок и океан). Правой рукой он делал рокерскую «козу». В правой части страницы, на так называемой стене, в обратном хронологическом порядке располагались сообщения.

> **Дженна Линде** (средняя школа Маккормака) 17 апреля 2007 г. в 21:02
>
> Я скучаю по тебе Бен. Я помню наши разговоры. люблю тебя навеки люблю тебя люблю тебя
>
> **Криста Дюфресне** (средняя школа Маккормака)

17 апреля 2007 г. в 20:43

не знаю кто это сделал но это ужасно. Я никогда тебя не забуду Бен. Думаю о тебе каждый день. ♥♥♥♥♥♥

Необходимо заметить, что в 2007 году «Фейсбук» был главным образом детской вотчиной. Взрывной рост взрослых пользователей начался только в следующую пару лет. Во всяком случае, так было в нашем кругу. Большинство родителей из школы Маккормака время от времени заглядывали на «Фейсбук», чтобы быть в курсе, чем там занимаются их дети, но это и все. Некоторые из наших друзей завели себе странички, но заходили туда крайне редко. Тогда там было еще слишком мало других родителей, чтобы это представляло какой-то интерес. Я лично ни малейшего понятия не имел, что там Джейкоб и его друзья смотрят на «Фейсбуке», и никак не мог взять в толк, что притягательного они находят в этой куче информационного хлама. Единственное объяснение, думал я, заключалось в том, что «Фейсбук» был местом, куда дети могли сбежать от взрослых, той тайной площадкой, где они могли распушить перья друг перед другом, пофлиртовать и подурачиться так, как никогда не отважились бы в реальной жизни где-нибудь в школьной столовой. Джейкоб определенно в Интернете был остроумней и раскованней, как и многие другие ребята. Нам с Лори казалось опасным позволять ему заниматься этим тайком, поэтому мы настояли, чтобы он дал нам свой пароль. Но, честно говоря, на страничку Джейкоба заглядывала только Лори.

Мне же детские разговоры в Интернете казались еще менее интересными, нежели их офлайновая версия. Если я тогда и заглянул на «Фейсбук», то лишь потому, что речь шла о фигуранте дела, которое вел. Было ли это моим родительским упущением? Теперь, оглядываясь назад, могу сказать: абсолютно точно было. Но, с другой стороны, мы, все родители из школы Джейкоба, были одинаково беспечны. Мы не понимали, что стоит на кону.

На странице «♥Друзья Бена Рифкина♥» было уже несколько сотен сообщений.

> **Эмили Зальцман** (средняя школа Маккормака) 16 апреля 2007 г. в 22:12
>
> Я до сих пор в полном шоке. кто это сделал? почему ты это сделал? зачем? в чем был смысл? какой тебе был в этом прок? это кем же надо быть?
>
> **Алекс Керзон** (средняя школа Маккормака) 16 апреля 2007 г. в 13:14
>
> я щас в п-ке колд-спрг. все до сих пор огорожено. но никакой движухи. копов нигде не видно.

Сообщения продолжались – неосторожно, откровенно. Паутина создавала иллюзию близости – побочный продукт ошеломляющего погружения детей в виртуальный мир. Увы, вскоре они узнали, что Сеть принадлежит взрослым: я уже подумывал о «повестке о представлении поименованных документов или установленной информации» – приказе о предоставлении документов и записей, который отправлю в

«Фейсбук», чтобы сохранить все эти онлайн-разговоры. Тем временем я, как завзятый любитель шпионажа, продолжал читать.

> **Дилан Фельдман** (средняя школа Маккормака) 15 апреля 2007 г. в 21:07
>
> Заткнись, Джейкоб. не нравится – не читай. чья бы корова мычала. пошел ты. а он тебя еще другом считал. придурок.
>
> **Майк Кейнин** (средняя школа Маккормака) 15 апреля 2007 г. в 21:01
>
> Постыдился бы, Джейк. ты собрался нас поучить, что хорошо, а что плохо? молчал бы в тряпочку.
>
> **Джон Маролла** (средняя школа Маккормака) 15 апреля 2007 г. в 20:51
>
> Что за на фиг? ДБ, перед кем ты тут выделываешься? подохни. мир чище станет. пошел ты к чертовой матери.
>
> **Джули Кершнер** (средняя школа Маккормака) 15 апреля 2007 г. в 20:48
>
> Не прикольно, Джейкоб.
>
> **Джейкоб Барбер** (средняя школа Маккормака) 15 апреля 2007 г. в 19:30
>
> Если кто-то тут не в курсе – Бен мертв. Зачем мы все пишем ему сообщения? И почему некоторые делают вид, что были с ним лучшими друзьями, когда на самом деле это не так? Неужели нельзя ничего из себя не изображать?

Я оторопел, увидев имя Джейкоба, – осознав, что все эти несколько последних ядовитых сообщений были адресованы

моему Джейкобу. Я оказался не готов лицом к лицу встретиться с реалиями жизни моего сына, с запутанностью его отношений, с испытаниями, с которыми он вынужден был справляться, с жестокостью мира, в котором он жил. «Подохни. Мир чище станет». Как мог мой сын прочитать в свой адрес подобную вещь и не поделиться этим с семьей? Ни разу даже не обмолвиться? Я был зол не на Джейкоба, а на самого себя. Как я мог создать у собственного сына впечатление, что меня не волнуют подобные вещи? Или я просто слюнтяй, чересчур обостренно реагирующий на принятый в Интернете преувеличенно хамский тон?

Кроме того, если честно, я чувствовал себя дураком. Мне следовало бы об этом знать. Мы с Лори говорили с Джейкобом о его времяпрепровождении в Интернете лишь в самых общих чертах. Знали, что когда он вечером уходит к себе в комнату, то может выйти в Интернет. Да, мы установили у него на компьютере специальную программу, которая не позволяла ему заходить на определенные сайты, главным образом порнографические, и сочли, что этого будет достаточно. «Фейсбук» никогда не казался нам чем-то особенно опасным. К тому же нам обоим претило за ним шпионить. Мы с Лори полагали, что необходимо с детства прививать ребенку правильные ценности и затем предоставлять ему определенную свободу, доверять его благоразумию, во всяком случае пока он не дал тебе повода этого не делать. Современные, подкованные в детской психологии родители, мы не хо-

тели, чтобы Джейк видел в нас врагов, следящих за каждым его шагом, пасущих его. Подобной философии придерживалось большинство родителей из школы Маккормака. Какой у нас был выбор? Ни один родитель не может ни на миг не выпускать ребенка из виду, ни в онлайне, ни в офлайне. В конечном счете каждый ребенок живет своей собственной жизнью, большая часть которой проходит отнюдь не у родителей на глазах. И тем не менее, когда я увидел пожелание «подохни», я понял, какими глупыми и наивными мы были. Гораздо больше, чем наше доверие и уважение, Джейкобу нужна была наша защита, а мы ее ему не дали.

Я принялся бегло просматривать сообщения. Их там были сотни, каждое не больше строчки-двух. Прочитать их все не представлялось возможным, а я понятия не имел, что именно Сара Гройль хотела, чтобы я нашел. Джейкоб в разговоре уже не появлялся, но я продолжал отматывать ленту все дальше и дальше назад. Ребята утешали друг дружку как сентиментальными сообщениями (*«мы никогда больше не будем прежними»),* так и более циничными (*«умирать надо молодым и красивым»).* Снова и снова они выражали свое потрясение. Девочки изливали любовь и верность, мальчики – гнев. Я пробегал глазами бесконечные повторяющиеся сообщения в поисках чего-нибудь стоящего: я просто не могу в это поверить… нам нужно держаться вместе… школе повсюду полицейские…

Наконец я перешел на собственную страничку Джейкоба,

где до сих пор продолжался еще более ожесточенный спор, начавшийся сразу же после убийства. И тут тоже сообщения отображались в обратном хронологическом порядке.

> **Марли Кунитц** (средняя школа Маккормака) 15 апреля 2007 г. в 15:29
>
> **Д.Ю:** Не надо писать тут таких вещей. Это все слухи, а люди могут из-за них пострадать. Даже если это и шутка, то дурацкая. Джейк, не обращай на него внимания.
>
> **Джо О'Коннор** (средняя школа Маккормака) 15 апреля 2007 г. в 15:16
>
> Нефиг языком трепать, если точно не знаешь. это к тебе относится, дерек, придурок. это тебе не шутки. Думать надо головой в следующий раз.
>
> **Марк Спайсер** (средняя школа Маккормака) 15 апреля 2007 г. в 15:07
>
> Кто угодно может сказать что угодно про кого угодно. может, это у тебя есть нож, Дерек? ну как, нравится тебе, когда про тебя распускают слухи?

А потом я увидел это:

> **Дерек Ю** (средняя школа Маккормака) 15 апреля 2007 г. в 14:25
>
> Джейк, все знают, что это сделал ты. У тебя есть нож. Я сам видел.

Я замер, не в силах отвести взгляд от этого сообщения. Я смотрел, пока буквы не начали рассыпаться на пиксели. Дерек Ю был другом Джейкоба, хорошим другом. Он сто раз

бывал у нас дома. Мальчики вместе ходили в детский сад. Дерек был славный парнишка.

«Я сам видел».

Утром я сказал Лори с Джейкобом, чтобы ехали в Кембридж без меня, сослался на встречу в полицейском участке Ньютона: мол, я не хочу кататься туда-сюда. Когда удостоверился, что они уехали, сразу поднялся в комнату к Джейкобу и стал искать.

Поиски не заняли много времени. В верхнем ящике комода обнаружил что-то твердое, наспех замотанное в старую белую футболку. Развернул футболку, и из нее на комод выпал складной нож с черной прорезиненной рукояткой. Осторожно поднял его и, зажав лезвие между большим и указательным пальцем, раскрыл.

– О господи, – вырвалось у меня.

Это мог бы быть армейский или охотничий нож, но для этого он казался слишком маленьким. В разложенном виде – дюймов десять длиной. Рукоятка черная, удобно ложащаяся в руку, рассчитанная на обхват четырьмя пальцами. Изогнутое лезвие с прихотливо зазубренным режущим краем заканчивалось смертоносным готическим острием. В полотнище были просверлены отверстия, видимо, чтобы облегчить его. Все в этом ноже было зловеще-прекрасно: форма лезвия, его изгиб и сужающееся к кончику острие. Это была та же самая смертоносная красота, которая так завораживает в природе: язык пламени или коготь гигантской кошки.

6
Дурная наследственность

Год спустя

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ БОЛЬШОГО ЖЮРИ

М-р Лоджудис: Когда вы обнаружили нож, что вы сделали? Я полагаю, вы немедленно сообщили о своей находке.

Свидетель: Нет, не сообщил.

М-р Лоджудис: Не сообщили? Вы обнаружили орудие убийства, имеющее отношение к расследованию нераскрытого дела, которое сами же и вели, и ничего никому не сказали? Почему же? Вы только что с таким жаром рассказывали нам о том, что верите в систему.

Свидетель: Я не сообщил об этом, потому что не считал, что это орудие убийства. И уж точно не знал это наверняка.

М-р Лоджудис: Не знали это наверняка? Но откуда вам было знать это наверняка? Вы же его спрятали! Вы не отдали нож на экспертизу на предмет крови, отпечатков пальцев, сравнения с раной и так далее. Стандартная процедура именно такова, не так ли?

Свидетель: Да, если есть веские подозрения в том, что это орудие убийства.

М-р Лоджудис: А, так, значит, вы не подозревали, что это орудие убийства?

Свидетель: Нет, не подозревал.

М-р Лоджудис: И эта мысль никогда даже не приходила вам в голову?

Свидетель: Речь шла о моем сыне. Ни один отец не то что не думает, а не может себе даже вообразить, чтобы подумать такое про своего сына.

М-р Лоджудис: В самом деле? Не может даже вообразить?

Свидетель: Совершенно верно.

М-р Лоджудис: Мальчик не имел склонности к насилию? Не состоял на учете в полиции?

Свидетель: Нет. Никогда.

М-р Лоджудис: И у него не было никаких проблем с поведением? Никаких психологических проблем?

Свидетель: Нет.

М-р Лоджудис: Значит, он ни разу в жизни даже мухи не обидел, получается, так?

Свидетель: Что-то в этом роде.

М-р Лоджудис: И тем не менее, когда вы нашли у него нож, вы скрыли его. Вы повели себя в точности так, как если бы считали, что он виновен.

Свидетель: Это не соответствует действительности.

М-р Лоджудис: Ну, вы же не сообщили о нем.

Свидетель: Я не подумал… Теперь, по размышлении, я признаю…

М-р Лоджудис: Мистер Барбер, каким образом вы могли не подумать об этом, когда, по сути говоря, вы ждали этого момента четырнадцать лет, с того самого дня, когда ваш сын появился на свет?

[Свидетель не ответил]

М-р Лоджудис: Вы ждали этого момента. Вы боялись его, он наводил на вас ужас. Но вы ожидали его.

Свидетель: Это неправда.

М-р Лоджудис: Разве? Мистер Барбер, разве склонность к насилию у вас не наследственная?

Свидетель: Я возражаю. Это совершенно ненадлежащий вопрос.

М-р Лоджудис: Ваше возражение занесено в протокол.

Свидетель: Вы пытаетесь ввести жюри в заблуждение. Вы намекаете на то, что Джейкоб мог унаследовать склонность к насилию, как будто насилие – это что-то вроде рыжих волос или волосатых ушей. Это неверно с точки зрения биологии и с точки зрения закона. Короче говоря, это чушь собачья. И вы это знаете.

М-р Лоджудис: Но я говорю вовсе не о биологии. Я веду речь о состоянии ваших мыслей, о том, во что вы верили в тот момент, когда нашли нож. Если вы считаете нужным верить в чушь собачью, это ваше личное дело. Но то, во что вы верили, имеет самое непосредственное отношение к делу и может быть с полным основанием расценено как улика. Однако из уважения к вам я снимаю этот вопрос. Зайдем с другой стороны. Вы когда-нибудь слышали выражение «ген убийцы»?

Свидетель: Да.

М-р Лоджудис: И где вы его слышали?

Свидетель: Просто в разговоре. Я использовал его в

разговоре с моей женой. Это фигура речи, ничего более.

М-р Лоджудис: Фигура речи.

Свидетель: Это не научный термин. Я не ученый.

М-р Лоджудис: Разумеется. Мы все здесь не эксперты. Итак, когда вы употребляли это словосочетание, эту фигуру речи, «ген убийцы», какое значение вы в него вкладывали?

[Свидетель не ответил]

М-р Лоджудис: О Энди, бросьте, вам совершенно нечего стесняться. Это все уже официально задокументированный факт. Вы очень много переживали на протяжении вашей жизни, так ведь?

Свидетель: Это было много лет назад. В детстве. Не сейчас.

М-р Лоджудис: Это было много лет назад, допустим. Вы беспокоились – много лет назад, в детстве, – о вашей личной истории, истории вашей собственной семьи, верно?

[Свидетель не ответил]

М-р Лоджудис: Я не погрешу против фактов, если скажу, что вы происходите из семьи, многие мужчины которой известны своей склонностью к насилию, не так ли, мистер Барбер?

[Свидетель не ответил]

М-р Лоджудис: Я не погрешу против фактов, если скажу это, не так ли?

Свидетель: [Неразборчиво]

М-р Лоджудис: Прошу прощения, я не расслышал. Вы происходите из семьи, многие мужчины которой

известны своей склонностью к насилию, не так ли? Мистер Барбер?

Насилие и в самом деле было у мужчин моей семьи в крови. Оно красной нитью пронизывало три поколения. А может, и дальше. Возможно, эта красная нить тянулась прямиком к Каину, но у меня никогда не возникало желания ее проследить. Мне хватило многочисленных историй, пугающих и большей частью не имеющих никаких документальных подтверждений. Ребенком мне хотелось забыть все эти истории. Я задавался вопросом, что было бы, если бы на меня снизошла магическая амнезия и стерла мою память, оставив лишь физическую оболочку и девственно-чистое сознание – потенциал, мягкую глину. Но, разумеется, как я ни старался все забыть, история предков всегда хранилась где-то в глубинах моей памяти, готовая при любом удобном случае всплыть на поверхность. Я научился с ней управляться. Позднее, ради благополучия Джейкоба, научился прятать ее в себе так, чтобы не осталось ничего, что мог бы увидеть кто-то посторонний, ничего, чем можно было бы с кем-то поделиться. Лори очень верила в это «поделиться», в целительную силу откровенного разговора, но я вовсе не собирался исцеляться. Ибо не верил в то, что это возможно. Это было то, чего Лори никогда не понимала. Она догадывалась, что призрак моего отца не дает мне покоя, но не понимала почему. Она полагала – проблема в том, что я не знал его и что на месте отцовской фигуры в моей жизни всегда будет

зиять дыра. Я никогда не обсуждал с ней этот вопрос, хотя она пыталась заставить меня приоткрыться, точно устрицу. У самой Лори отец был психиатром, и до рождения Джейкоба она работала учителем в средней школе Гэвин в Южном Бостоне, преподавала английский пятым и шестым классам. Исходя из своего опыта, она была убеждена, что какое-никакое понимание проблем мальчиков, выросших без отца, у нее есть.

– Ты никогда не сможешь проработать эту проблему, – твердила она мне, – если не будешь об этом говорить.

Ох, Лори, ты так ничего и не поняла! Я вовсе не намерен был «прорабатывать эту проблему». Я собирался положить ей конец раз и навсегда. Был полон решимости пресечь всю эту преступную линию родства, похоронив ее внутри себя. Буду стоять насмерть, но поглощу ее, точно пулю, думал я. Откажусь передавать ее Джейку. Поэтому предпочитал ничего не узнавать. Не погружаться в изучение моей семейной истории и не анализировать ее на предмет причин и следствий. Сознательно отрекся от всей этой буйной компании. Насколько я знал – насколько разрешил себе знать, – эта красная нить тянулась к моему прапрадеду, безжалостному головорезу по имени Джеймс Беркетт, который перебрался на восток из Северной Дакоты, неся в своих костях какой-то дикий, звериный инстинкт, тягу к насилию, что проявлялось вновь и вновь – в самом Беркетте, потом в его сыне и наиболее ярко в его внуке, моем отце.

Джеймс Беркетт появился на свет неподалеку от города Майнот в Северной Дакоте году приблизительно в 1890-м. Обстоятельства его детства, его родители, получил ли он какое-либо образование – ни о чем этом мне не было известно. Знал лишь, что вырос он на Высоких Равнинах Дакоты в годы, последовавшие после битвы при Литтл-Бигхорн, на излете эпохи освоения Дикого Запада. Первым реальным доказательством существования этого человека стала пожелтевшая фотография на толстом картоне, сделанная в Нью-Йорке в фотоателье Г. У. Гаррисона на Фултон-стрит 23 августа 1911 года. Эта дата была тщательно выведена карандашом на обороте снимка вместе с его новым именем: «Джеймс Барбер». История, которая стояла за этим путешествием, тоже была мутная. В изложении моей матери – которая слышала ее от отца моего отца, – Беркетт смылся из Северной Дакоты, спасаясь от обвинения в вооруженном ограблении. Первое время он отсиживался на южном берегу Верхнего озера, пробавляясь собирательством моллюсков и подработкой на рыбацких лодках, а потом рванул в Нью-Йорк под новым именем. Почему он решил поменять имя – то ли для того, чтобы избежать ареста, то ли просто хотел начать жизнь на востоке с чистого листа, то ли еще по какой причине, – никто доподлинно не знал, равно как и почему он выбрал в качестве своей новой фамилии Барбер. Это фото – единственное изображение Джеймса Беркетта-Барбера, которое я когда-либо видел. Ему в ту пору должно было быть лет два-

дцать, может, двадцать один год. На снимке он был запечатлен в полный рост. Худой и жилистый, кривоногий, в пальто с чужого плеча и с котелком под мышкой, он смотрел в камеру с бандитским прищуром, и уголок его губ загибался кверху в ухмылке, точно колечко дыма.

Я сильно подозревал, что в Северной Дакоте за ним числилось нечто посерьезнее вооруженного ограбления. Беркетт-Барбер не только приложил немалые усилия, чтобы сбежать оттуда – мелкий воришка в бегах не стал бы забираться так далеко от родных краев, равно как и утруждать себя сменой имени, – но и, прибыв в Нью-Йорк, начал демонстрировать там свои наклонности во всей красе практически незамедлительно. Действовать он принялся сразу с размахом, не размениваясь, как новички в мире криминала, на всякую мелочовку. Это был уже самый настоящий законченный бандит. Его послужной список в Нью-Йорке включал в себя арест за оскорбление действием, нападение с целью ограбления, нападение с целью убийства, нанесение увечий, незаконное хранение взрывного устройства, незаконное хранение огнестрельного оружия, изнасилование и покушение на убийство. Почти половину из без малого тридцати лет между первым арестом в штате Нью-Йорк в 1912-м году и своей смертью в 1941-м Джеймс Барбер провел за решеткой: отбывая наказание или в ожидании суда. Только по двум обвинениям в изнасиловании и покушении на убийство он отсидел в общей сложности четырнадцать лет.

Таким был послужной список профессионального преступника, и единственное описание Джеймса Барбера, которое попало в сборники судебных прецедентов, подтверждало это. Дело было о покушении на убийство в 1916 году. В ходе слушаний была подана формальная апелляционная жалоба, благодаря чему дело попало в сборник судебных решений по штату Нью-Йорк за 1918 год. Краткое изложение фактов дела, которым судья Бартон предварял свое решение, уложилось в несколько предложений:

> *У подсудимого произошла ссора с потерпевшим, неким Пейтоном, в одном из баров в Бруклине. Ссора возникла на почве долга, который Пейтон должен был отдать то ли самому подсудимому (согласно его собственным словам), то ли третьему лицу, на которое подсудимый работал коллектором, или сборщиком долгов (согласно материалам дела). В ходе ссоры подсудимый в приступе гнева набросился на потерпевшего с бутылкой. Он не прекратил своих действий даже после того, как бутылка разбилась, после того, как драка переместилась из бара на улицу, и после того, как левый глаз потерпевшего получил серьезные повреждения, а левое ухо было практически оторвано. Драка закончилась лишь после вмешательства очевидцев, которые были знакомы с потерпевшим и, воспользовавшись численным преимуществом, смогли оттащить подсудимого, и с большим трудом удерживали его до приезда полиции.*

Бросалась в глаза и еще одна деталь из судебного решения. Судья отмечал, что «Пейтон хорошо знал о склонности подсудимого к насилию, поскольку это был общеизвестный факт».

У Джеймса Барбера остался по меньшей мере один сын, мой дед, по имени Расселл, которого называли Расти. Расти Барбер дожил до 1971 года. Я видел его всего несколько раз в жизни, в раннем детстве. Большая часть того, что я о нем знал, была почерпнута из историй, которые он рассказывал моей матери, а она позднее передала мне.

Расти никогда не видел своего отца и, как следствие, не скучал по нему и не слишком о нем раздумывал. Вырос Расти в городке Мериден в штате Коннектикут, где у его матери была родня и куда она, беременная, вернулась из Нью-Йорка, чтобы растить ребенка. Она рассказывала мальчику об отце, в том числе и о его преступлениях. Рассказывала все как есть, не смягчая, впрочем ни она сама, ни ее сын не видели в этом ничего особенного и не испытывали по этому поводу никаких терзаний. В те времена у многих было еще хуже. Никому даже в голову не приходило, что отец Расти может каким-то образом повлиять на его будущее. Наоборот, его растили с теми же ожиданиями, что и от соседских детей. Учился он посредственно и примерным поведением не отличался, но школу окончил. В 1933-м году поступил в Вест-Пойнт, но ушел после первого курса, большую часть которого провел либо в карцере, либо в наказание за оче-

редную провинность маршируя на плацу. Вернувшись в Мериден, перебивался случайными заработками. Женился на местной девушке, моей бабке, и семь месяцев спустя у них родился сын, которого он назвал Уильямом. Однажды Расти ввязался в какую-то мелкую потасовку и загремел в кутузку за нападение на полицейского, хотя на самом деле ничего такого не делал. Просто выразил недовольство тем, что тот поднял на него руку.

Переломным моментом для Расти Барбера стала война. Он ушел в армию рядовым и участвовал в высадке десанта союзников в Нормандии в составе Третьей армии. К концу войны он дослужился до лейтенанта и был кавалером ордена Почета и двух «Серебряных Звезд», официально признанным героем. Во время битвы за Нюрнберг в апреле 1945-го в одиночку ворвался на укрепленную огневую позицию немцев, убив шестерых солдат противника, причем последних двух заколол штыком. Когда вернулся в Мериден, в его честь устроили парад. Он восседал на заднем сиденье автомобиля с откидным верхом и махал рукой девушкам.

После войны Расти обзавелся еще двумя ребятишками, купил собственный каркасный домик в Меридене. Однако к мирной жизни смог приспособиться совсем не так хорошо. Перепробовав себя на нескольких поприщах – в страховании, торговле недвижимостью, ресторанном бизнесе, – он наконец нашел место коммивояжера. Торговал различными марками одежды и обуви, большую часть времени проводил,

колеся по югу Новой Англии с коробками образцов в багажнике своего автомобиля, которые показывал владельцам магазинов в одном тесном офисе за другим. Глядя на тот период жизни моего деда, я думаю, он, должно быть, прилагал огромные усилия, чтобы не сорваться. Расти Барбер унаследовал от своего отца склонность к насилию, которую война подпитывала и поощряла, при этом никакими другими особыми талантами он не блистал. И тем не менее дед мог бы справиться. Он мог бы прожить свою жизнь тихо и мирно, подавляя свои наклонности. Но обстоятельства сыграли против него.

11 мая 1950 года Расти, находясь в Лоуэлле, штат Массачусетс, поехал в магазин одежды «Биркес», чтобы продемонстрировать новую линию осенних курток «Майти Мак». Потом решил заскочить перекусить в закусочную под названием «Эллиотс», которую любил. При выезде с парковки случилась авария. Другая машина въехала в «бьюик» Расти в тот момент, когда он выворачивал оттуда. Завязалась перепалка, переросшая в потасовку. Противник Расти вытащил нож. Когда все было кончено, он остался лежать на улице, а Барбер зашагал прочь как ни в чем не бывало. Раненый поднялся, прижимая руки к животу. Сквозь его пальцы сочилась кровь. Он расстегнул рубаху, продолжая при этом одной рукой держаться за живот, как будто у него прихватило желудок. Когда же наконец убрал руку, из него вывалились влажно поблескивавшие кольца кишок. Вертикальный разрез тя-

нулся через весь его живот от грудины до лобка. Он своими руками заправил внутренности обратно и, придерживая живот, поковылял в закусочную вызывать полицию.

Расти получил по полной программе: нападение с целью убийства, нанесение увечий, нанесение тяжких телесных повреждений при помощи оружия. На суде он утверждал, что действовал в рамках самозащиты, но опрометчиво признался, что не помнит ничего из того, в чем его обвиняют, включая то, как отобрал у пострадавшего нож и вспорол ему живот. Помнил лишь, как тот пошел на него с ножом, а дальше в памяти его зиял провал. Приговорили его к сроку от семи до десяти лет лишения свободы, из которых он отсидел три. К тому времени, когда он вернулся обратно в Мериден, его старшему сыну Уильяму – моему отцу, Билли Барберу, – исполнилось восемнадцать, и он стал уже настолько неуправляем, что обуздать его было не по силам никакому отцу, даже столь грозному, как Расти.

И тут мы достигаем той части истории, где нить повествования прерывается. Потому что у меня практически нет воспоминаний о моем отце, лишь разрозненные обрывки: расплывшаяся сине-зеленая татуировка на запястье с внутренней стороны в виде не то креста, не то кинжала, которую он наколол где-то в тюрьме; его руки, бледные, с красными костяшками и костлявыми пальцами – такие вполне легко было представить в качестве орудий убийства; полный рот длинных желтых зубов; изогнутый нож с перламутровой рукоя-

тью, который он всегда носил при себе за поясом, автоматически засовывая его туда с самого утра, как другие мужчины суют в задний карман брюк бумажник.

За исключением вот таких проблесков, я просто его не помню. Да и этим обрывкам не слишком доверяю; за многие годы я мог изрядно их приукрасить. Последний раз видел отца в 1961 году. Мне было пять, а ему двадцать шесть. В детстве я очень старательно сохранял память о нем, чтобы не дать ему исчезнуть. Это было до того, как я понял, что он собой представляет. С годами его образ все равно стерся из моей памяти. К тому времени, как мне сравнялось десять, я уже толком не помнил его, если не считать тех случайных обрывков. Скоро я вообще перестал о нем думать. Из соображений удобства жил так, будто у меня не было вообще никакого отца, будто я просто появился на свет безотцовщиной, – и никогда не сомневался в правильности своей позиции, потому что ничего путного из такого родства выйти не могло.

Но одно воспоминание все же держалось, пусть и не очень твердо. Тем последним летом, в 1961 году, мама однажды отвезла меня повидаться с ним в тюрьму на Вэлли-авеню в Нью-Хейвене. Мы сидели за одним из щербатых столов в переполненном зале для свиданий. Заключенные в мешковатых тюремных робах походили на плоских квадратных человечков, которых мы с друзьями любили рисовать. Видимо, я в тот день дичился – с отцом никогда не знаешь, чего

ждать, – и потому ему пришлось уговаривать меня.

– Поди-ка сюда, дай мне на тебя поглядеть. – Он стиснул своими пальцами мое тощее плечико и подтянул меня к себе. – Поди сюда. Раз уж приехал в такую даль, подойди ко мне.

Много лет спустя я все еще чувствовал его пальцы на своем плече, там, где они стиснули его и слегка повернули, как поворачиваешь ножку жареного цыпленка, чтобы ее оторвать.

Он сделал ужасную вещь. Посвящать меня в подробности никто из взрослых не стал. Я знал лишь, что там фигурировала какая-то девушка и один из пустых заколоченных домов на Конгресс-авеню. И тот самый нож с перламутровой рукоятью. О дальнейшем взрослые умалчивали.

В то лето закончилось мое детство. Я узнал слово «убийство». Но тебе же не просто говорят это серьезное слово. Тебе приходится жить с ним, повсюду носить его с собой. Ты вынужден ходить вокруг него, видеть с разных углов, в разное время суток, в разном свете, пока не начинаешь понимать его значение, пока оно не входит в тебя. Ты вынужден годами хранить его в тайне внутри себя, точно уродливую косточку в персике.

И что же из этого было известно Лори, спросите вы? А ничего. Я с первого же взгляда понял: передо мной Хорошая Еврейская Девочка из Хорошей Еврейской Семьи и она ни

за что не станет со мной связываться, если узнает правду. Поэтому в самых расплывчатых и романтичных выражениях сказал ей, что у моего отца была скверная репутация, но я его никогда не знал. Стал плодом мимолетного неудачного романа. За последующие тридцать пять лет в этом отношении ничего не изменилось. В глазах Лори отца у меня считай что и не было. Я ее не разубеждал, ведь и в моих собственных глазах отца у меня считай что не было. И уж точно я не был сыном Кровавого Билли Барбера. Во всем этом не было ничего особенно драматичного. Когда я заявил подружке, которая впоследствии стала моей женой, что не знал своего отца, то лишь произнес вслух то, что твердил себе на протяжении многих лет. Это вовсе не была попытка ввести ее в заблуждение. Если я когда-то и был сыном Билли Барбера, то к тому времени, как встретил Лори, уже давным-давно перестал им быть, кроме как в строго биологическом смысле. То, что я сказал Лори, было ближе к правде, чем сухие факты. Да, но за все эти годы наверняка можно было выбрать подходящий момент для того, чтобы во всем ей признаться, скажете вы.

Правда заключалась в том, что с годами все рассказанное Лори чем дальше, тем больше соответствовало истине. Во мне взрослом от сынишки Билли не осталось практически ничего. Все это превратилось в историю, старый миф, который не имел никакого отношения к тому, кем я был на самом деле. По правде говоря, я особо даже и не думал об этом. Вы-

растая, мы в какой-то момент перестаем быть детьми своих родителей и становимся родителями своих детей. К тому же у меня была Лори. У меня была Лори, и мы были счастливы. Наш брак вышел крепким и стабильным, мы считали, что знаем друг друга, и каждый из нас был доволен собственным представлением о своем партнере. Зачем было все портить? Зачем рисковать такой редкостью, как счастливый брак, – а уж тем более такой еще большей редкостью, как многолетний брак по любви, – ради чего-то настолько прозаического и отравляющего, как абсолютная, бездумная, прозрачная честность? Кому стало бы лучше, если бы я все рассказал? Мне? Вот уж нет. Я был сделан из стали, честное слово. Но есть еще и более приземленное объяснение: эта тема просто никогда не поднималась. Как выясняется, в мирной жизни не так-то легко найти подходящий момент для объявления собственной жене, что ты сын убийцы.

7
Отрицание

Лоджудис был наполовину прав: к тому моменту я действительно заподозрил Джейкоба, но отнюдь не в убийстве. Сценарий, в котором Лоджудис настойчиво пытался убедить большое жюри, – что в силу своей семейной истории, найдя нож, я немедленно понял, что Джейкоб психопат, и начал его покрывать – был полной чушью. Я не виню Нила в том, что он так упорно продавливал эту версию. Присяжные по природе своей глухи, а обстоятельства этого дела были таковы, что, по сути, вынуждали их еще настойчивей затыкать уши. У Лоджудиса просто не оставалось другого выхода, кроме как кричать. Но факт остается фактом: ничего такого драматического не произошло. Предположение, что Джейкоб может быть убийцей, было полным бредом; я ни на миг не рассматривал эту возможность всерьез. Скорее уж полагал, что что-то случилось. Джейкоб знал больше, чем говорил. Видит бог, это само по себе меня пугало. Подозрение, едва закравшись в мое сознание, заставило меня переживать все вдвойне: как насторожившегося следователя и как обеспокоенного отца. Первый хотел выяснить истину, второй страшился ее. И если я не стал признаваться во всем этом большому жюри, то лишь потому, что у меня тоже имелись веские основания продавливать свою версию.

В тот день, когда я нашел нож, Джейкоб вернулся домой около половины третьего. Мы с Лори сидели в кухне и слушали, как он с шумом ввалился в дом и пяткой захлопнул входную дверь, потом сбросил рюкзак и куртку. Тревожно переглядываясь, мы, точно операторы гидролокационной установки, пытались интерпретировать все эти звуки.

– Джейкоб, – крикнула Лори, – будь добр, подойди сюда, пожалуйста.

На мгновение повисла тишина, точно перед прыжком, потом он произнес:

– О'кей.

Лори сделала оптимистическое лицо, чтобы меня ободрить.

Джейкоб нерешительной походкой вошел в кухню. Мне вдруг неожиданно бросилось в глаза, как сильно он вырос за последнее время, стал размером со взрослого мужчину.

– Папа? Что ты делаешь дома?

– Джейк, нам нужно кое о чем поговорить.

Он прошел чуть вперед и увидел лежащий на столе между нами нож. В сложенном виде в нем больше не было ничего угрожающего. Это был просто инструмент.

Самым нейтральным тоном, который я только мог изобразить, я произнес:

– Не хочешь рассказать нам с мамой, что это такое?

– Э-э-э… нож?

– Не придуривайся, Джейкоб.

– Сядь, – вмешалась его мать. – Сядь.

Он сел.

– Ты рылась в моей комнате?

– Это был я, а не мама.

– Ты обыскивал ее?

– Угу.

– Уважение к личной территории? Нет, не слышали.

– Джейкоб, – проговорила Лори, – папа беспокоился за тебя.

Он закатил глаза.

– Мы оба беспокоились, – продолжала Лори. – Почему бы тебе не рассказать нам, что вообще происходит?

– Джейкоб, ты ставишь меня в сложное положение. Половина полиции штата занята поисками этого ножа.

– Именно этого ножа?

– Не именно этого, просто ножа. Ты же понимаешь, что я имею в виду. Подобного ножа. Я не понимаю, что такой нож делает у ребенка твоего возраста. Для чего он тебе понадобился?

– Ни для чего. Я его купил, и все.

– Зачем?

– Не знаю.

– То есть ты его купил, но зачем, ты не знаешь?

– Да захотел и купил! Без всякой причины. Это ничего не значит. Почему все непременно должно что-то значить?

– Почему тогда ты его прятал?

– Наверное, потому, что знал – вы распсихуетесь.

– Ну, по крайней мере, тут ты не ошибся. Так зачем тебе понадобился нож?

– Я же уже сказал тебе, просто так. Я подумал, что он прикольный. Он мне понравился. И я его захотел.

– У тебя что, какие-то проблемы с другими ребятами?

– Нет.

– Ты чего-то боишься?

– Нет, я же уже сказал, я просто его увидел, подумал, что он прикольный, ну и купил.

Он пожал плечами.

– Где?

– В городе, в магазине армейского снаряжения. Их много где продают.

– Чек остался? Ты платил кредиткой?

– Нет, наличными.

Мои глаза сузились.

– Господи, папа, так еще бывает: люди до сих пор используют наличные.

– И что ты с ним делаешь?

– Ничего. Просто смотрю на него, держу в руках, прислушиваюсь к своим ощущениям.

– Ты носишь его при себе?

– Нет. Обычно не ношу.

– Но иногда все же носишь?

– Нет. Ну, изредка.

– Ты брал его в школу?

– Нет. Всего один раз. Хотел показать ребятам.

– Кому именно?

– Дереку, Дилану. Может, еще паре человек.

– Зачем?

– Потому что я думал: это прикольно. Типа зацените, что у меня есть.

– Ты им хоть раз что-нибудь делал?

– Например?

– Ну, не знаю, что вообще делают ножом? Режут?

– Ты имеешь в виду, не зарезал ли я им, случайно, кого-нибудь в парке Колд-Спринг?

– Нет, я имею в виду, пользовался ли ты им хоть раз вообще?

– Нет, никогда. Разумеется, нет.

– Значит, ты просто купил его и положил в ящик?

– Ну да.

– И ты хочешь, чтобы я этому поверил?

– Но это правда!

– Зачем тебе понадобилось…

– Энди, – вмешалась Лори, – он подросток. Затем и понадобилось.

– Лори, не надо ему помогать.

– Подростки иногда делают глупости. – Она повернулась к Джейкобу. – Даже *умные* подростки иногда делают глупости.

– Джейкоб, я должен тебя спросить ради моего душевного

спокойствия: это тот нож, который они ищут?

– Нет! Ты что, совсем спятил?

– Ты знаешь что-то, что имеет отношение к тому, что случилось с Беном Рифкином? Может, что-то, что ты слышал от друзей? Что-то, что ты хотел бы мне рассказать?

– Нет. Разумеется, нет. – Он спокойно посмотрел на меня, бестрепетно встретившись со мной взглядом. Продлилось это всего одно мгновение, но я безошибочно прочитал в этом вызов – это был взгляд того рода, который дерзкий свидетель может метнуть в тебя в зале суда. Продемонстрировав мне таким образом свое неповиновение, он вновь превратился в обычного ершистого подростка. – У меня в голове не укладывается, что ты спрашиваешь меня об этом. Я прихожу из школы и неожиданно оказываюсь на допросе. У меня это просто в голове не укладывается. Поверить не могу, что ты так обо мне думаешь.

– Джейкоб, я никак о тебе не думаю. Знаю лишь, что ты притащил в дом нож, и мне хотелось бы понимать зачем.

– Кто надоумил тебя его искать?

– Это не важно.

– По всей видимости, кто-то из нашей школы. Кто-то, с кем ты разговаривал вчера. Скажи мне, кто именно.

– Это не имеет никакого значения. Мы сейчас говорим не о других ребятах. Жертва в этом деле не ты.

– Энди, – остановила меня Лори.

Она предупреждала меня, чтобы я не пытался прижать его

к стенке, не превращал беседу в допрос. «Энди, просто поговори с ним. Мы же семья. Мы разговариваем друг с другом».

Я отвел взгляд. Набрал полную грудь воздуха:

– Джейкоб, если я отдам этот нож на экспертизу, на предмет крови или каких-либо других улик, ты будешь против?

– Нет. Валяй, делай какую угодно экспертизу. Мне все равно.

Я немного подумал.

– Ладно. Я тебе верю. Я тебе верю.

– Я получу свой нож обратно?

– Ни в коем случае.

– Это мой нож. Ты не имеешь права его забрать.

– Я твой отец и на этом основании имею право делать что угодно.

– Ты заодно с полицейскими.

– Полицейские чем-то тебя беспокоят?

– Нет.

– Тогда к чему все эти разговоры о твоих правах?

– А если я тебе его не отдам?

– Попробуй.

Он поднялся, переводя взгляд со стола на меня и обратно, взвешивая риск и выгоду.

– Это все так неправильно, – заявил он и нахмурился от несправедливости.

– Джейк, папа делает то, что считает правильным, потому что любит тебя.

– А что считаю правильным я, никого не волнует, я так понимаю?

– Да, – подтвердил я. – Именно так.

К тому времени, когда я приехал в местный полицейский участок, Патц уже сидел в комнате для допросов, неподвижный, как каменный истукан с острова Пасхи, глядя прямо в объектив камеры, встроенной в циферблат круглых настенных часов. Патц знал, что она там. Детективы обязаны были проинформировать его о ней и получить от него согласие на видеозапись интервью. Камера тем не менее все равно была скрытой в надежде, что подозреваемый расслабится и забудет про нее.

Картинка выводилась на небольшой компьютерный монитор, стоявший в кабинете следователя прямо за дверью комнаты для допросов, где за Патцем наблюдали полдюжины ребят из полиции Ньютона и ОПБП. Лица их были бесстрастны; они не видели ничего особенного, и не ожидали увидеть.

Я вошел в кабинет и присоединился к ним:

– Ну как, удалось выжать из него что-нибудь?

– Нет. Ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знает.

Изображение Патца занимало весь экран. Он сидел в торце длинного деревянного стола. За спиной – голая белая стена. Патц был крупным мужчиной. По словам инспектора по условно-досрочному освобождению, который его ку-

рировал, в нем было шесть футов три дюйма росту и двести шестьдесят фунтов весу[6]. Даже сидя за столом, он выглядел массивным. Но тело его было рыхлым и мягким. Его обвислые бока, живот и груди распирали черную футболку поло, точно квашня, которую залили в этот черный мешок сверху и перевязали в районе шеи.

– Бог ты мой, – присвистнул я, – этому малому не помешало бы чуток физической активности.

– Например, передернуть на детское порно? – сострил один из ребят из ОПБП.

Мы все зафыркали.

В комнате для допросов с одной стороны от Патца сидел Пол Даффи из ОПБП, а с другой – детектив из полиции Ньютона, Нильс Петерсон. Полицейские появлялись на экране лишь время от времени, когда случайно попадали в кадр.

Допрос вел Даффи.

– Так, давай-ка еще разок. Расскажи мне все, что помнишь о том утре.

– Я же уже все вам рассказал.

– А ты повтори. Просто поразительно, сколько всего люди припоминают, стоит им повторить свой рассказ с самого начала.

– Я не хочу больше говорить. Я устал.

– Эй, Ленни, это ради твоего же собственного блага. Мне нужно исключить тебя из списка подозреваемых. Я же тебе

---

[6] Соответствует 1 м 91 см и 118 кг.

уже говорил: я пытаюсь тебя отмазать. Это в твоих же интересах.

– Меня зовут Леонард.

– Один свидетель утверждает, что видел тебя в то утро в парке Колд-Спринг.

Это было вранье.

Даффи на экране между тем произнес:

– Ты же знаешь, что я обязан это проверить. С твоим послужным списком у нас просто нет другого выбора. Я не занимал бы свою должность, если бы не сделал этого.

Патц вздохнул.

– Ленни, еще всего один разок. Я не хочу посадить не того человека.

– Меня зовут Леонард. – Он потер глаза. – Ну ладно. Я был в парке. Я гуляю там каждое утро. Но я даже близко не подходил к месту, где убили того парнишку. Я вообще никогда туда не хожу, никогда не гуляю в той части. Я ничего не видел, я ничего не слышал, – он начал загибать пальцы в такт своим словам, – я не знаю того парнишку, я никогда в жизни его не видел, я никогда в жизни о нем не слышал.

– Ладно, Ленни, успокойся.

– Я спокоен.

Взгляд в камеру.

– И в то утро ты никого не видел?

– Никого.

– И никто не видел, как ты выходил из своей квартиры и

как вернулся?

– Понятия не имею.

– Ты не заметил в парке никого подозрительного, кого там не должно быть и о ком нам следовало бы знать?

– Нет.

– Ладно, давай тогда ненадолго прервемся, о'кей? Посиди здесь. Мы вернемся через несколько минут. У нас будет к тебе еще пара вопросов, и на этом все.

– А как там мой адвокат?

– Он пока что не объявлялся.

– Вы скажете мне, когда он подъедет?

– Конечно, Ленни.

Оба детектива поднялись, чтобы уйти.

– Я никогда в жизни пальцем никого не тронул, – сказал Патц. – Запомните это. Я пальцем никого не трогал. Никогда.

– Конечно, – заверил его Даффи. – Я тебе верю.

Детективы промелькнули перед камерой и вышли за дверь, очутившись в комнате, где только что фигурировали в качестве бесплотных изображений на мониторе компьютера.

Даффи покачал головой:

– Я ничего не добился. Он привык иметь дело с полицейскими. Мне просто-напросто нечего ему предъявить. Я бы помариновал его там немножко, но не думаю, чтобы у нас было на это время. Его адвокат уже в пути. Энди, что ты намерен делать?

– И сколько вы с ним уже валандаетесь?

– Да с пару часов. Что-то в этом роде.

– И никаких результатов? Глухой отказ?

– Да. Все без толку.

– Попробуйте еще раз.

– Еще раз? Ты что, смеешься? Сколько времени ты тут стоишь?

– Только что приехал, Дафф, но что еще нам остается делать? Он наш единственный реальный подозреваемый. Молоденький мальчик погиб, а этот парень любит молоденьких мальчиков. Он уже раскололся, что был в то утро в парке. Патц знает окрестности. Он околачивается там каждое утро, так что в курсе того, что ребятишки ходят через парк в школу. При его габаритах для него не составило бы ровным счетом никакого труда справиться с жертвой. У нас есть мотив, способ, возможность. Так что продолжайте, пока что-нибудь из него не выжмете.

Взгляд Даффи скользнул на других полицейских в комнате, потом вновь вернулся ко мне.

– Его адвокат все равно сейчас прикроет эту лавочку.

– Значит, нельзя терять времени, разве не так? Возвращайся туда. Вытяни из него признание, и он у меня сегодня же днем предстанет перед большим жюри.

– Вытянуть признание? Вот так просто взять и вытянуть?

– Это то, за что тебе платят бешеные бабки, приятель.

– А как же ребятишки в школе? Я думал, мы копаем в том

направлении.

– Дафф, мы продолжим разрабатывать эту версию, но чем мы на самом деле располагаем? Кучкой перепуганных детишек, болтающих языком на «Фейсбуке»? И что? Посмотри на этого парня. Просто посмотри на него. У тебя есть подозреваемый лучше? У нас вообще больше никакого подозреваемого нет.

– Ты в самом деле в это веришь? Думаешь, это он?

– Да. Возможно. *Возможно.* Но нам нужно что-то реальное, чтобы доказать это. Вытяни мне из него признание, Дафф. Найди мне нож. Найди мне что угодно. Нам нужно хоть что-нибудь.

– Ну ладно. – Даффи решительно посмотрел на детектива из отделения полиции Ньютона, с которым они вместе работали над этим делом. – Попробуем еще раз. Как требует начальник.

Полицейский заколебался, с сомнением глядя на Даффи. В его взгляде явственно читалось: «Зачем попусту тратить время?»

– Попробуем еще раз, – повторил Даффи. – Как он говорит.

> М-р Лоджудис: Такой возможности им не представилось, верно? Детективы в тот день так и не вернулись в комнату для допросов к Леонарду Патцу?
>
> Свидетель: Нет, не вернулись. Ни в тот день, ни впоследствии.

М-р Лоджудис: Как вы к этому отнеслись?

Свидетель: Я считал, что мы делаем ошибку. Основываясь на том, что нам было известно в то время, нельзя было сбрасывать Патца со счетов в качестве обвиняемого в самом начале расследования. На тот момент он оставался нашим наиболее вероятным подозреваемым.

М-р Лоджудис: Вы до сих пор так полагаете?

Свидетель: Вне всякого сомнения. Мы должны были разрабатывать Патца дальше.

М-р Лоджудис: Почему?

Свидетель: Потому что на него указывали улики.

М-р Лоджудис: Не все улики.

Свидетель: Не все? Все улики никогда не указывают в одном направлении, во всяком случае в таких сложных делах, как это. В том-то и проблема. Вы не располагаете всей информацией, данных недостаточно. Нет ни четкой закономерности, ни однозначного ответа. Поэтому детективы делают в точности то же самое, что и все обычные люди: строят в уме какой-то рассказ, какую-то версию, а затем начинают искать данные, улики, которые свидетельствовали бы в ее пользу. Сначала они выбирают подозреваемого, затем собирают улики, подтверждающие его виновность. И перестают замечать улики, которые указывают на других подозреваемых.

М-р Лоджудис: Как Леонард Патц.

Свидетель: Как Леонард Патц.

М-р Лоджудис: Вы намекаете на то, что именно это

и произошло в данном случае?

Свидетель: Я намекаю на то, что да, определенно были допущены ошибки.

М-р Лоджудис: И как же детектив должен вести себя в такой ситуации?

Свидетель: Он не должен с ходу зацикливаться на одном подозреваемом. Потому что, если его догадка окажется неверной, он не заметит улик, указывающих на правильный ответ. Он не станет обращать внимание даже на очевидные вещи.

М-р Лоджудис: Но детектив обязан строить версии. Ему нужно сосредотачивать усилия на подозреваемых, и, как правило, еще до того, как располагает на них явными уликами. Что еще ему остается делать?

Свидетель: Это дилемма. Ты начинаешь всегда с догадки. И иногда твоя догадка оказывается неверной.

М-р Лоджудис: А в этом деле тоже чьи-то догадки оказались неверны?

Свидетель: Мы не знали. Мы просто не знали.

М-р Лоджудис: Ладно, продолжайте свой рассказ. Почему детективы не смогли вернуться к допросу Патца?

В разыскное бюро вошел пожилой мужчина с потрепанным адвокатским портфелем. Его звали Джонатан Клейн. Он был невысокий, худощавый, чуть сутуловатый, с длинными и ослепительно-белыми волосами. Он зачесывал их назад, на затылок, откуда они ниспадали на воротник пиджака. На нем был серый костюм с черной водолазкой. Завершала об-

раз седая эспаньолка.

– Энди, привет, – негромко произнес он.

– Джонатан.

Мы с искренней теплотой пожали друг другу руки. Я всегда любил и уважал Джонатана Клейна. Интеллигентный и какой-то неуловимо богемный, он был совершенно не похож на меня. (Я-то незатейлив, как хлебный тост.) Но он никогда никого не поучал и не врал, чем очень отличался от своих собратьев по адвокатуре, которых особенно не заботила правда, к тому же был человеком по-настоящему умным и знал закон. Джонатан был – по-другому и не скажешь – мудрым. Кроме того, должен признаться, меня по-детски тянуло к мужчинам из поколения моего отца, как будто я все еще питал слабую надежду избавиться от печати сиротства, пусть даже уже в весьма взрослом возрасте.

– Я хотел бы увидеть моего клиента, – произнес Клейн тихо.

Голос у него был негромким от природы – это не манерничанье и не тактический прием, – поэтому люди в его присутствии имели обыкновение притихать. Ты невольно ловил себя на том, что склоняешься к нему ближе, чтобы расслышать, что он говорит.

– Джонатан, я не знал, что вы представляете этого малого. Не слишком-то это почетное для вас дело. Защищать какого-то вшивого педофила, любителя пощупать мальчиков? Это плохо скажется на вашей репутации.

– На моей репутации? Мы же адвокаты! В любом случае Патц здесь не потому, что он педофил. Мы оба это знаем. Для дела о щупанье мальчиков тут слишком много копов.

Я отступил в сторону:

– Ладно. Он там. Проходите.

– Вы выключите камеру и микрофон?

– Угу. Хотите, можно перейти в другое помещение.

– Нет, ну что вы. – Он мягко улыбнулся. – Энди, я доверяю вам.

– Достаточно, чтобы позволить вашему подзащитному продолжить говорить?

– Нет-нет. Для этого я слишком вам доверяю.

Больше Патца не допрашивали.

Половина десятого вечера.

Лори лежала на диване, примостив свою книжку домиком на животе, и смотрела на меня. На ней была коричневая футболка с треугольным вырезом, украшенным по краю крупной вышивкой, и очки в роговой оправе. С годами она нашла способ адаптировать стиль, который предпочитала в молодости, к зрелому возрасту: пейзанские вышитые блузы и рваные джинсы юной богемной интеллектуалки трансформировались в более элегантную, облагороженную версию того же образа.

– Ты не хочешь об этом поговорить? – спросила она.

– О чем – об этом?

– О Джейкобе.

– Мы же уже поговорили.

– Я знаю, но ты сидишь мрачный.

– Я не сижу мрачный. Я смотрю телевизор.

– Кулинарный канал? – с мягкой иронией во взгляде улыбнулась она.

– Так ничего другого не показывают. И вообще, я люблю готовить.

– Нет, не любишь.

– Я люблю смотреть, как готовят другие.

– Все в порядке. Если ты не хочешь, я не буду на тебя давить.

– Не в том дело. Просто тут не о чем разговаривать.

– Можно задать тебе один вопрос?

Я закатил глаза. Как будто, если бы я сказал «нет», это что-то бы изменило.

Лори взяла с кофейного столика пульт и выключила телевизор.

– Когда мы сегодня беседовали с Джейкобом, ты сказал, что не считаешь, что он в чем-то виноват, но потом все-таки учинил ему форменный допрос.

– Ничего я не учинял.

– Учинил. Да, напрямую ты ни в чем его не обвинил, но тон у тебя был… прокурорский.

– В самом деле?

– Немного.

– Это вышло непроизвольно. Я потом перед ним извинюсь.

– Ты не обязан извиняться.

– Обязан, если я разговаривал с ним таким тоном.

– Я просто хочу знать почему. Ты о чем-то мне не рассказал?

– О чем, например?

– О чем-то, что заставило тебя так на него наседать.

– Я на него не наседал. В любом случае я просто расстроился из-за ножа. И из-за того, что Дерек написал на «Фейсбуке».

– У Джейкоба что, были какие-то проблемы с поведе…

– Господи, Лори, успокойся. Не гони волну. Это всего лишь пустой треп. Жаль, что я не могу дотянуться до этого Дерека. Надо же было написать такую глупость. Честное слово, иногда у меня складывается такое впечатление, что у этого ребенка не все дома.

– Дерек неплохой мальчик.

– Когда за Джейкобом придут, ты по-прежнему останешься при своем мнении?

– Ты считаешь, что это реальная возможность?

– Нет. Разумеется, нет.

– На нас в этом деле лежит какая-то ответственность?

– Ты имеешь в виду, есть в чем-то из этого наша вина?

– Вина?! Нет. Я имею в виду, мы должны сообщить об этом в полицию или нет?

– Нет. Господи, нет, конечно же. Тут не о чем сообщать. Иметь нож – не преступление. И быть глупым подростком – тоже, слава тебе господи, а не то нам пришлось бы половину из них пересажать за решетку.

Лори нейтрально кивнула:

– Просто в его адрес прозвучало обвинение, и теперь ты в курсе. К тому же полицейские так или иначе обо всем узнают, раз на «Фейсбуке» это написано открытым текстом.

– Лори, это не обвинение, а ерунда. Незачем спускать на Джейка собак. Это все яйца выеденного не стоит.

– Энди, ты в самом деле так считаешь?

– Да. Конечно. А ты нет?

Она испытующе посмотрела на меня:

– Ладно. Значит, тебя не это беспокоит?

– Я же уже тебе сказал: меня ничего не беспокоит.

– Правда?

– Правда.

– Что ты сделал с ножом?

– Я от него избавился.

– Каким образом?

– Выбросил. Не здесь. Выкинул в мусорку подальше от дома.

– Ты его покрываешь.

– Нет. Я просто хотел, чтобы этой гадости в моем доме не было. И не хотел, чтобы кто-то воспользовался им и повесил на Джейкоба то, чего он не совершал. Вот и все.

– И ты хочешь сказать, что ты его не покрываешь?

– Нельзя покрывать того, кто не сделал ничего плохого.

Она вновь испытующе поглядела на меня:

– Ладно. Я ложусь спать. Ты идешь?

– Чуть позже.

Она поднялась и, подойдя ко мне, провела рукой по моим волосам и поцеловала в лоб:

– Не сиди слишком долго, милый. Завтра не встанешь.

– Лори, ты не ответила на мой вопрос. Я спросил тебя, что *ты* думаешь. Ты согласна с тем, что подозревать Джейкоба в том, что он мог такое совершить, – это бред?

– Да, мне очень трудно такое представить.

– Но ты все-таки *можешь* это представить?

– Не знаю. А ты хочешь сказать, что не можешь? Что ты в принципе не можешь себе представить такую возможность?

– Нет, не могу. Мы, вообще-то, говорим о нашем сыне.

Она отстранилась от меня:

– Не знаю. Наверное, и я не могу себе такого представить. Но, с другой стороны, еще сегодня утром я нож тоже представить себе не могла.

8
Конец

Воскресенье, 22 апреля 2007 года,
десять дней спустя после убийства

Сырым ненастным утром сотни волонтеров принялись прочесывать парк Колд-Спринг в поисках пропавшего ножа. Они представляли собой срез города. Ребята из школы Маккормака, часть которых дружила с Беном Рифкином, а часть явно принадлежала к другим школьным племенам – качков, ботаников, пай-девочек. Множество молодых мамаш и папаш. Кучка местных активистов, которые постоянно организовывали всякие общественные мероприятия. Все они собрались в серой утренней мгле, прослушали инструктаж Пола Даффи относительно того, как следует вести поиски, после чего, разбившись на команды, двинулись по хлюпающей, как губка, земле прочесывать отведенные им квадраты леса. Все были настроены решительно. Облегчением было наконец-то хоть что-то делать, принять хоть какое-то участие в расследовании. Очень скоро, были уверены они, дело будет раскрыто. Ожидание и неопределенность действовали всем на нервы. Нож положит всему этому конец. На нем будут отпечатки пальцев, или кровь, или еще что-нибудь, что позволит раскрыть тайну, и весь город сможет спать спокойно.

М-р Лоджудис: Вы не принимали участия в поисках, верно?

Свидетель: Нет, не принимал.

М-р Лоджудис: Потому что знали, что это бессмысленное занятие. Нож, который они искали, уже был обнаружен в ящике комода Джейкоба. И вы уже выкинули его в помойку.

Свидетель: Нет. Я знал, что это не тот нож, который они ищут. У меня не было в этом ни малейшего сомнения. Ноль целых ноль десятых.

М-р Лоджудис: Почему тогда вы не присоединились к поискам?

Свидетель: Прокурор никогда не участвует в поисках, которые организует. Я не мог позволить себе рисковать стать свидетелем в своем же собственном деле. Сами подумайте: если бы я нашел орудие убийства, я стал бы ключевым свидетелем. Мне пришлось бы оказаться по другую сторону барьера и давать показания. Поэтому хороший прокурор всегда держится в стороне. Он ждет в полицейском участке или на улице, пока идет обыск, он наблюдает из соседнего помещения, пока детектив ведет допрос. Нил, это азбука прокурорской профессии. Стандартная процедура. А ведь я вас этому учил. Видимо, вы плохо меня слушали.

М-р Лоджудис: Значит, вы не участвовали в поисках по техническим причинам.

Свидетель: Нил, никто не жаждал, чтобы поиски увенчались успехом, сильнее, чем я. Мне хотелось,

чтобы невиновность моего сына была доказана. Находка настоящего ножа способствовала бы этому.

М-р Лоджудис: Вас, кажется, нимало не смущает то, каким образом вы избавились от ножа Джейкоба? Даже теперь, когда вы знаете, что произошло?

Свидетель: Я поступил так, как считал правильным. Джейк был невиновен. Это был не тот нож.

М-р Лоджудис: Разумеется, вы не горели желанием проверять эту теорию, правда? Вы не отдали нож на экспертизу на предмет отпечатков пальцев, крови или следов волокон, как пригрозили Джейкобу?

Свидетель: Это был не тот нож. Мне не нужна была никакая экспертиза, чтобы подтвердить это для себя.

М-р Лоджудис: Вы и так это знали.

Свидетель: Я и так это знал.

М-р Лоджудис: И почему же вы были так в этом уверены?

Свидетель: Я знал своего сына.

М-р Лоджудис: И все? Вы знали своего сына?

Свидетель: Я поступил так, как поступил бы на моем месте любой другой отец. Я пытался защитить его от его же собственной глупости.

М-р Лоджудис: Ладно. Пока оставим это. Итак, значит, пока все остальные прочесывали в то утро парк Колд-Спринг, где ждали вы?

Свидетель: На парковке перед входом в парк.

М-р Лоджудис: И в какой-то момент появился мистер Рифкин, отец погибшего?

Свидетель: Да. Когда я его увидел, он шел

> по направлению от леса. Там перед входом в парк находятся игровые площадки. Футбольная, бейсбольная. В то утро на площадках никого не было. И они представляли собой огромное открытое пространство, поросшее травой. И он шел по нему в мою сторону.

Эта картина будет всегда стоять у меня перед глазами как образ Дэна Рифкина один на один со своим горем: тщедушный человечек, бредущий по бескрайнему зеленому полю, понурив голову и спрятав руки в карманы пальто. Порывы ветра то и дело сбивали его с курса. Он передвигался зигзагами, точно крохотная лодчонка в бурном море, пытающаяся лавировать против ветра.

Я вышел на поле и двинулся ему навстречу, но нас разделяло значительное расстояние, и сближение заняло некоторое время. В определенный момент возникла даже какая-то неловкость: мы молча приближались, глядя друг на друга. Интересно, как мы выглядели сверху? Две крохотные фигурки, медленно ползущие по пустому зеленому полю к точке пересечения где-то в его центре.

Когда он подошел ближе, я помахал ему. Но Рифкин не ответил на мое приветствие. Решив, что он расстроен тем, что стал случайным свидетелем поисков, я наивно сделал себе мысленную зарубку устроить втык нашему штатному сопровождающему психологу за то, что она забыла предупредить Рифкина, чтобы в это воскресенье держался от парка

подальше.

– Привет, Дэн, – осторожно произнес я.

Несмотря на пасмурную погоду, на нем были темные очки-авиаторы, сквозь полупрозрачные линзы которых смутно виднелись глаза. Он в упор взглянул на меня, и его глаза за этими линзами показались мне огромными и ничего не выражающими, точно мушиные. Видимо, он был чем-то рассержен.

– Дэн, у вас все в порядке? Что вы здесь делаете?

– Я удивлен, что *вы* здесь.

– Да? Почему? Где мне еще быть?

Он фыркнул.

– Дэн, в чем дело?

– Знаете, – задумчиво произнес он, – в последнее время у меня было странное чувство, как будто я нахожусь на сцене, а все люди вокруг меня актеры. Все в мире, все до единого человека, ходят мимо меня с таким видом, как будто ничего не произошло и лишь мне одному известна правда. Лишь я один знаю, что Все Изменилось.

Я кивнул, всем видом выражая доброжелательность.

– Они все насквозь фальшивые. Энди, вы понимаете, что я имею в виду? Они притворяются.

– Я не могу представлять, что вы переживаете.

– Мне кажется, что вы, возможно, тоже актер.

– Почему вы так говорите?

– Я думаю, вы тоже фальшивый насквозь. – Рифкин снял

темные очки, аккуратно сложил их и убрал во внутренний карман пальто. С тех пор как я видел его в последний раз, круги у него под глазами стали еще темнее, а оливковая кожа приобрела какую-то сероватую бледность. – Я слышал, у вас забирают это дело.

– Что?! От кого вы это слышали?

– Не важно. Просто знайте: я хочу, чтобы дело вел другой следователь.

– Ну, хорошо, ладно, мы можем это обсудить.

– Тут нечего обсуждать. Это уже свершившийся факт. Пойдите позвоните своей начальнице. Переговорите со своими людьми. Я вам сказал, я хочу, чтобы дело вел другой следователь. Который не будет сидеть сложа руки. И этот процесс уже запущен.

– Сидеть сложа руки? Дэн, что вы несете?

– Вы уверяли, что делаете все возможное. Что именно вы сделали?

– Послушайте, дело действительно непростое, я признаю это…

– Нет, нет, дело не только в этом, и вы прекрасно это знаете. Почему вы не тряханули как следует этих ребят? До сих пор? Я имею в виду, не прижали их к стенке по-настоящему? Вот что я очень хотел бы знать.

– Я поговорил с ними.

– И с вашим собственным сыном тоже?

Я разинул рот. И протянул к нему руку с намерением

коснуться его локтя, установить физический контакт, но он вскинул руку, как будто отмахиваясь.

– Энди, вы врали мне. Все это время вы мне врали. – Он устремил взгляд в сторону деревьев. – Знаете, что не дает мне покоя? Когда я нахожусь здесь, в этом месте? То, что какое-то время – может, несколько минут, может, несколько секунд, не знаю, сколько именно, – в общем, здесь на протяжении какого-то времени мой сын был жив. Он лежал там на этих поганых сырых листьях и истекал кровью. А меня рядом с ним не было. Я должен был быть здесь, чтобы помочь ему. Потому что это долг каждого отца. Но я ничего не знал. Я был где-то в другом месте, в машине, в офисе, разговаривал по телефону, или чем там я еще мог заниматься. Энди, вы понимаете? Вы представляете себе, каково это знать? Вы можете себе это вообразить? Я видел, как он появился на свет, видел, как он делал свои первые шаги… как учился кататься на велосипеде. Я отводил его в школу в первый день. Но меня не было рядом, чтобы помочь ему, когда он умирал. Можете себе представить, каково это знать?

– Дэн, – произнес я слабым голосом, – давайте я вызову патрульную машину, чтобы вас отвезли домой? Не думаю, что вам стоит сейчас здесь находиться. Вы должны быть со своей семьей.

– Энди, я не могу быть с моей семьей, в том-то и дело, мать вашу! Моя семья мертва.

– Понятно.

Я опустил глаза и принялся рассматривать его белые кроссовки, на которые налипла грязь и сосновые иглы.

– Скажу вам одну вещь, – добавил Рифкин. – Теперь не имеет никакого значения, что будет со мной. Я могу… могу снаркоманиться, начать воровать или пойти бомжевать. Это больше не имеет ровным счетом никакого значения. Кому это теперь важно? Ради чего мне жить? – Он произнес это с горькой усмешкой. – Звоните в прокуратуру. – Пауза. – Давайте звоните. Все кончено. Вы больше не ведете это дело.

Я вытащил свой мобильник и позвонил на личный номер Линн Канаван. Прошло три гудка. Я представил, как она читает на экранчике мое имя и собирается с духом, чтобы ответить.

– Я в офисе, – произнесла она. – Почему бы тебе не подъехать сюда прямо сейчас?

Чувствуя на себе удовлетворенный взгляд Рифкина, я заявил ей, что, если она хочет что-то мне сказать, пусть говорит прямо сейчас и не гоняет меня попусту туда-сюда.

– Нет, – настаивала она. – Приезжай в контору. Я хочу обсудить это с тобой лично.

Я захлопнул телефон. Мне очень хотелось что-то сказать Рифкину, «до свидания» или «удачи» или еще какую-нибудь прощальную белиберду. Что-то подсказывало мне, что он прав и это действительно прощание. Но он не желал ничего слушать. Это недвусмысленно читалось в его позе. Он уже назначил меня на роль злодея. Возможно, конечно, ему было

известно больше, чем мне.

Я оставил его стоять посреди зеленого поля и поехал в Кембридж с осознанием собственного поражения. Я смирился с тем фактом, что дело у меня заберут, но мне с трудом верилось, что эта инициатива исходила от самого Рифкина. Нет, его явно кто-то науськал, возможно Лоджудис, который так настойчиво капал на мозг генеральному прокурору, что в конце концов взял верх. Что ж, ладно. Меня снимут из-за конфликта интересов, это чистой воды формальность. Меня переиграли, вот и все. Это всего лишь подковерная борьба, а я никогда не принимал в ней никакого участия и принимать не желал. Что ж, Лоджудис получит свое громкое дело, а я займусь новым расследованием, новым трупом, новым делом. Я все еще в это верил, то ли по глупости, то ли пребывая в плену иллюзий, то ли пытаясь убедить в этом самого себя. Все еще не догадывался о том, что меня ждет. Не было никаких улик, указывающих на Джейкоба, – ни та девочка из школы с ее секретом, ни их одноклассники, сплетничающие на «Фейсбуке», ни даже нож были не в счет. В качестве улик это все не годилось. Любой мало-мальски грамотный адвокат камня на камне от них бы не оставил.

Перед входом в здание суда меня поджидали ни много ни мало четверо полицейских в штатском. Я узнал в них ребят из ОПБП, но хорошо знаком из них всех был только с одним, детективом по имени Мойнихен. Точно Преторианская гвардия, они препроводили меня через вестибюль в крыло,

где размещалась прокуратура, а потом по коридорам, полупустым по случаю воскресенья, довели до углового кабинета Линн Канаван.

Там за длинным столом сидели трое: сама Канаван, Лоджудис и парень из пресс-службы по имени Ларри Сифф, чье постоянное присутствие при Канаван на протяжении примерно последнего года было печальным признаком перманентной предвыборной кампании. С Сиффом у меня никаких личных счетов не было, но мне претило его вторжение в священный процесс, которому я посвятил всю жизнь. Обыкновенно ему не нужно было даже ничего говорить, одно его присутствие означало неминуемые политические последствия.

– Садись, Энди, – предложила окружной прокурор Канаван.

– Линн, ты в самом деле полагаешь, что все это было необходимо? Что, по-твоему, я должен был сделать? Сигануть в окно?

– Это ради твоего же блага. Ты сам знаешь, как это бывает.

– Что – это? Я что, под арестом?

– Нет. Мы просто обязаны быть осторожны. Люди в стрессе могут реагировать непредсказуемо. Нам не нужны сцены. Ты на нашем месте поступил бы точно так же.

– Неправда. – Я опустился на стул. – Ну и из-за чего я должен испытать стресс?

– Энди, – начала она, – у нас плохие новости. По делу

Рифкина. Отпечатки пальцев на толстовке убитого… они принадлежат твоему сыну Джейкобу.

Она придвинула ко мне отчет судмедэксперта.

Я пробежал его глазами. Это было заключение судебно-медицинской лаборатории полиции штата. Экспертиза установила совпадение по дюжине контрольных точек между отпечатком пальца неизвестного, обнаруженным на месте преступления, и одним из отпечатков из дактилоскопической карты Джейкоба, в то время как для того, чтобы считать принадлежность отпечатка достоверно установленной, требовалось совпадение по стандартным восьми точкам. Это был большой палец правой руки: Джейкоб схватил жертву за расстегнутую полу толстовки, оставив четкий отпечаток на вшитом изнутри в шов ярлыке.

Совершенно озадаченный, я произнес:

– Я уверен, этому есть какое-то объяснение.

– Наверняка.

– Они ходили в одну школу. Джейкоб учился с ним в одной параллели. Они были знакомы друг с другом.

– Да.

– Это еще не означает…

– Мы знаем, Энди.

Они смотрели на меня с жалостью. Все, кроме полицейских помоложе, стоявших теперь у окна, которые не знали меня и потому могли с чистой совестью презирать, как презирали бы любого другого плохого парня.

– Мы отправляем тебя в оплачиваемый отпуск. Тут есть отчасти и моя вина: с самого начала было ошибкой поручать тебе это дело. Эти ребята, – она кивнула на полицейских, – проводят тебя в твой кабинет. Можешь забрать свои личные вещи. Никаких документов, никаких папок. К компьютеру не приближаться. Результаты твоей деятельности – собственность конторы.

– Кто будет вести дело вместо меня?

– Нил.

Я улыбнулся. *Ну, разумеется.*

– Энди, у тебя есть какие-то возражения против того, чтобы это дело расследовал Нил?

– А что, Линн, мое мнение имеет какое-то значение?

– Возможно, если ты сможешь его обосновать.

Я покачал головой:

– Нет. Пусть забирает. Я настаиваю.

Лоджудис отвел глаза, избегая встречаться со мной взглядом.

– Вы его арестовали?

И вновь глаза присутствующих забегали по сторонам, лишь бы не смотреть на меня.

– Линн, вы арестовали моего сына?

– Нет.

– Вы намерены это сделать?

– Мы не обязаны вам это сообщать, – встрял Лоджудис.

Канаван вскинула руку, чтобы утихомирить его.

– Да. Учитывая обстоятельства, у нас просто нет выбора, – сказала она.

– Обстоятельства? Какие еще обстоятельства? Вы что, думаете, что он сбежит в Коста-Рику?

Она пожала плечами.

– Ордер на арест уже выписан?

– Да.

– Линн, даю тебе слово, он явится сам. Не нужно его арестовывать. Ему не место в тюрьме, даже на одну ночь. Он никуда не сбежит, ты же знаешь. Он мой сын. Линн, он мой сын. Я не хочу, чтобы его арестовывали.

– Энди, пожалуй, всем будет лучше, если ты какое-то время не будешь появляться в здании суда, – посоветовала окружной прокурор, отмахнувшись от моих мольб, как от дыма. – Пусть все уляжется. Хорошо?

– Линн, я прошу тебя, как друга прошу, в качестве личного одолжения: пожалуйста, не арестовывай его.

– Энди, дело серьезней некуда.

– Почему? Я не понимаю. Из-за отпечатка? Одного-единственного паршивого отпечатка? И все? Там должно быть что-то большее. Скажи мне, что там что-то большее.

– Энди, я советую тебе нанять адвоката.

– Нанять адвоката? Я сам адвокат. Скажи мне, почему ты так поступаешь с моим сыном. Ты рушишь мою семью. Я имею право знать почему.

– Я всего лишь действую в соответствии с уликами, и ни-

чего более.

– Улики указывают на Патца. Я же тебе говорил.

– Энди, ты не все знаешь. Совсем не все.

До меня не сразу дошел смысл ее слов. Впрочем, на это ушло всего лишь мгновение. Я сложил карты и принял решение, что с этой минуты они ничего больше от меня не узнают.

Я поднялся:

– Ладно. Давайте делать дело.

– Вот прямо так?

– Ты что-то еще хотела сказать мне? А ты, Нил?

– Ты же знаешь, мы тебе не враги. Что бы твой сын ни… возможно, ни сделал, он – не ты. Энди, нас с тобой связывает общее прошлое. Я этого не забываю.

Я почувствовал, как мое лицо сводит в каменную маску, а я словно выглядываю сквозь прорези для глаз. Я смотрел лишь на Канаван, которая была моим старым другом, которую я по-прежнему любил и которой, несмотря ни на что, доверял. Взглянуть на Лоджудиса я не решался. Руки у меня чесались так сильно, что я опасался – стоит мне только посмотреть на него, как они сами собой метнутся вперед, схватят его за горло и удавят.

– Мы закончили?

– Да.

– Хорошо. Мне нужно идти. Я должен немедленно найти моих домашних.

На лице окружного прокурора Канаван отразилась насто-

роженность.

– Энди, ты уверен, что в состоянии сам вести машину?

– Я в полном порядке.

– Хорошо. Эти ребята проводят тебя в твой кабинет.

У себя в кабинете я побросал в картонную коробку кое-какие вещи: всякие бумажки и безделушки, фотографии, снятые со стены, разнообразную памятную мелочовку, скопившуюся за годы работы. Топорище, улику из дела, которое мне так и не удалось пропихнуть через большое жюри. Все это уместилось в одну картонную коробку – все эти годы, работа, дружба, уважение, которое я по чайной ложке зарабатывал дело за делом. Все это теперь осталось в прошлом, как бы ни разрешилось дело Джейкоба. Потому что, даже если бы его оправдали, от клейма обвинения мне все равно уж было никогда не отмыться. Жюри могло провозгласить моего сына лишь невиновным, но не невинным. Дурной запашок был обречен тянуться за нами всегда. Я сомневался в том, что когда-нибудь снова войду в зал суда как юрист. Впрочем, все раскручивалось с такой быстротой, что задумываться о прошлом или будущем было некогда. Оставалось только «сейчас».

Как ни странно, я не впал в панику. И вообще ни на миг не утратил самообладания. Обвинение Джейкоба в убийстве словно граната – ее взрыв неминуемо должен был уничтожить нас всех, вопрос был лишь в деталях, – но меня охватила странная спокойная решимость. Наряд полиции уже на-

верняка был на пути к моему дому с ордером на обыск. Вполне возможно даже, что окружной прокурор именно для этого заставила меня приехать в контору: чтобы не дать мне добраться до дому раньше полиции. Я на ее месте так бы и поступил.

Я вышел из здания суда.

Едва сев в машину, я принялся звонить Лори на мобильник. Она не брала трубку. Пришлось оставить ей голосовое сообщение:

«Лори, это очень, очень важно. Перезвони мне сразу же, как только получишь это сообщение».

Джейкобу я тоже попытался позвонить. Он не взял трубку.

До дому я добрался слишком поздно: четыре патрульные машины Ньютонской полиции уже стояли на лужайке, отрезав дом от внешнего мира в ожидании ордера на обыск. Не притормаживая, я проехал вдоль квартала дальше, завернул за угол и там припарковался.

Мой дом примыкает к станции железнодорожной линии, которая соединяет жилые пригороды с деловым центром Бостона. От моего заднего двора платформу отделяет ограждение восьми футов высотой. Я с легкостью перемахнул через него. Во мне бурлило такое количество адреналина, что я мог бы забраться на гору Рашмор[7].

---

[7] *Рашмор* – гора в штате Южная Дакота, один из символов США. Гора известна тем, что в ней высечен барельеф высотой 18,6 м, состоящий из скульптурных портретов четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.

Очутившись у себя на заднем дворе, я пробрался через живую изгородь из туй на краю лужайки. Листочки дрожали и цеплялись за меня, когда я продирался сквозь кусты.

Я пробежал через лужайку. Мой сосед возился у себя на заднем дворе. Он помахал мне, и я на бегу по привычке машинально помахал ему в ответ.

Пробравшись в дом, негромко позвал Джейкоба, чтобы подготовить его к происходящему. Но дома никого не было.

Я взбежал по лестнице и бросился в его комнату, где принялся лихорадочно выдвигать ящики комода, хлопать дверцами шкафа, перерывать кучи белья на полу, отчаянно пытаясь найти все, что можно было бы счесть хотя бы отдаленно уличающим его, и избавиться от этого.

Это кажется вам ужасным? Я так и слышу тревожный звоночек в вашей голове: «Уничтожение улик! Воспрепятствование отправлению правосудия!» Не будьте наивными. Вы воображаете, что суды заслуживают доверия, а судебные ошибки – редкость и, следовательно, я должен был бы доверять системе. Если бы правда верил в то, что Джейкоб невиновен, думаете вы, то просто позволил бы полицейским войти в дом и забрать все, что они сочли бы нужным. Открою вам маленькую тайну: процент ошибок в вердиктах по уголовным делам намного выше, чем вы воображаете. И речь идет не только об ошибочно оправданных, о настоящих преступниках, которым удается уйти от правосудия, – эти ошибки мы признаем и принимаем на себя ответствен-

ность. Они – предсказуемый результат толкования всех сомнений в пользу обвиняемого, как это у нас принято. Настоящая неожиданность – это частота ошибочно осужденных, количество невинных людей, объявленных виновными. Этот процент ошибок мы не то что не признаем, мы о нем даже не думаем, потому что он порождает слишком много вопросов. И тем не менее факт остается фактом: то, что мы называем доказательством, вещь столь же ненадежная, как и свидетели, которые являются его источниками, – такова уж человеческая природа. Память подводит, свидетельства очевидцев печально известны своей недостоверностью, и даже самые благородные полицейские склонны выносить ошибочные суждения и забывать важные вещи. Человеческий фактор в системе – всегда самое слабое с точки зрения возможных ошибок звено. Так почему же с судом дело должно обстоять иначе? Наша слепая вера в систему – результат невежества и магического мышления, и черта с два я готов был доверить ей судьбу моего сына. Вовсе не потому, что я считал его виновным, уверяю вас, а именно потому, что он был ни в чем не виноват. Я делал то немногое, что мог, чтобы получить нужный, справедливый результат. Если вы мне не верите, посидите несколько часов в ближайшем суде по уголовным делам, а потом спросите себя, действительно ли вы убеждены в том, что там нет места для ошибок. Спросите себя, готовы ли вы доверить им *вашего* ребенка.

Как бы то ни было, я не нашел в комнате Джейка ничего

даже отдаленно подозрительного – обычный подростковый хлам, грязная одежда, кроссовки, стоптанные его огромными ножищами, учебники, журналы о компьютерных играх, зарядки от его многочисленных гаджетов. Честно говоря, даже не знаю, что я рассчитывал там найти. Беда была в том, что мне по-прежнему было неизвестно, чем таким располагает против Джейкоба следствие, что им настолько необходимо было как можно скорее предъявить ему обвинение, и я сходил с ума, пытаясь догадаться, что это за недостающий кусок головоломки.

Я все еще перерывал комнату, когда у меня зазвонил мобильник. Это была Лори. Я велел ей немедленно ехать домой – она сидела в гостях у какой-то подруги в Бруклине, минутах в двадцати езды, – но в подробности вдаваться не стал. Жена была слишком эмоциональной. Я не знал, как она отреагирует, а разбираться с ней у меня не было времени. Первоочередная задача – помочь Джейкобу, а Лори можно было отложить на потом.

– Где Джейк? – спросил я ее.

Она не знала. Я повесил трубку.

В последний раз я обвел комнату взглядом. Меня очень подмывало спрятать ноутбук Джейкоба. Бог знает, что у него там было на жестком диске. Но я побоялся, что этим лишь еще больше ему наврежу: пропажа компьютера вызовет подозрения, учитывая тот факт, что он выходил с него в Интернет. С другой стороны, на нем могут оказаться какие-нибудь

улики. В итоге я оставил его на месте – поступок, возможно, не самый разумный, но времени на размышления у меня не было. Джейкоб знал, что его публично обвинили на «Фейсбуке», будем надеяться, что у него хватило соображения почистить жесткий диск, если в этом была необходимость.

В дверь позвонили. Ну вот и все. Я не успел даже отдышаться.

На пороге с ордером на обыск стоял не кто иной, как Пол Даффи собственной персоной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.